ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„Кооперативное Издательство“

А. Н. Максимов

КАКИЕ НАРОДЫ ЖИВУТ В РОССИИ

Справочное издание

Цена 15 р.

МОСКВА
1919

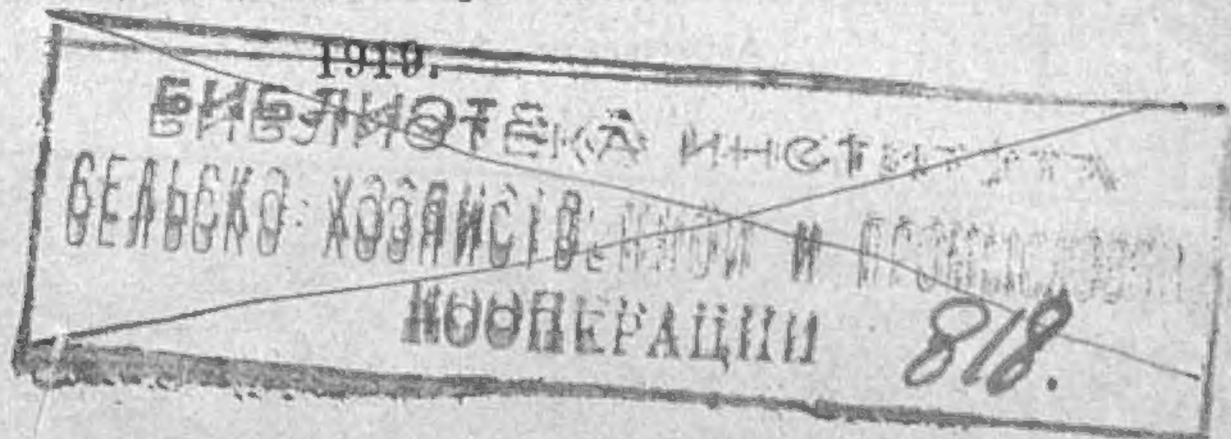
А. Н. Максимов

КАКИЕ НАРОДЫ ЖИВУТ В РОССИИ

Справочное издание

Издание Т-ва „Кооперативное Издательство“.
Москва, Б. Дмитровка, 26.

1919.

МОСКВА—1919 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

Арбатская пл., Филипповский пер., д. № 11.

ВВЕДЕНИЕ.

Россия, представляя величайшее государство в мире, отличается вместе с тем крайним разнообразием своего населения. В ней живут народы, стоящие на самых различных уровнях культуры, и изучая их один за другим в известной последовательности, мы могли бы составить себе довольно точное представление о том, как развивалось человечество от первобытных времен до высших ступеней цивилизации. Мы привыкли ездить по железным дорогам и пароходам, постоянно видим мчащиеся автомобили, а между тем в России не мало народов, не знающих иных средств передвижения, как езда на собаках, запряженных в особого рода санки (нарты), или на верховых оленях, или с помощью так называемой «волокуши», т.-е. двух жердей, прикрепленных к обеим сторонам лошади, на свободных концах которых, волочащихся по земле и скрепленных перекладиной, усаживается пассажир или кладется груз. В столицах у нас имеются роскошные дворцы, а на ряду с этим некоторые из обитающих в России народов живут и лето и зиму в шатрах из оленьих шкур или из выделанной особым способом бересты. С одной стороны, у нас во все большее употребление входит электричество, а с другой,— во многих местах, единственным способом добывания огня является трение одним куском дерева о другой. Одни из народов, живущих в России, выделили из своей среды таких великих писателей и ученых, как Пушкин, Тургенев, Толстой, Менделеев, Ключевский или Мицкевич, Сенкевич, у других духовное творчество не пошло пока дальше созда-

ния незамысловатых сказок и песен, передающихся устным путем от одного к другому. Одни народы привыкли издавна жить государственною жизнью, имеют славное прошлое, вписали крупными буквами свои имена на страницы всемирной истории, другие—не имеют ни исторического прошлого, ни навыков к государственной жизни, а живут до сих пор отдельными семьями или мелкими разрозненными родами. Отличаются между собою эти народы и по религии: в России одновременно живут и христиане различных вероисповеданий, и мусульмане, и евреи, и ламаисты, представляющие одно из разветвлений буддизма, и грубые язычники-шаманисты.

Не меньшее разнообразие представляет население России и с точки зрения его происхождения. Одни из живущих в России народов находятся в самом тесном родстве между собою, могут в полном смысле слова быть названы народами-братьями, хотя бы, напр., великороссы, малороссы, белоруссы. Но зато не мало в России и таких народов, которые по своему происхождению стоят совершенно особняком, не имеют родственников ни среди своих соседей, ни где-либо в другом месте. Когда мы говорим о родстве каких-нибудь народов, мы чаще всего руководствуемся их языком, хотя есть и другие признаки, на основании которых можно судить об их близости между собою. Язык характерен для каждого народа, и когда употребляют такие выражения, как «русские», «поляки», «немцы», «турки», «киргизы», то, прежде всего, под ними подразумевают людей, говорящих на русском, польском, немецком, турецком или киргизском языке. Конечно, бывают такие случаи, когда не только отдельные люди, но и целые народы забывают свой собственный язык и заменяют его языком кого-либо из соседей, но такие случаи могут побудить нас лишь внести некоторые поправки и ограничения в суждения о родстве двух народов, основанные на близости их языков, но не отказаться целиком от этих суждений. Ведь заимствуя у своего соседа язык, народ не может ограничиться одним только этим, а неизбежно подчиняется влиянию того же соседа и в других отношениях, приобщается к его

духовной жизни и тем самым вступает с ним в известного рода родство. Главная же причина, побуждающая нас руководствоваться при суждении о родстве народов, прежде всего, их языками, состоит в том, что наука языковедения выработала вполне точные приемы, дающие возможность безошибочно судить о степени близости между собою двух каких-либо языков. Так мы без малейших колебаний можем утверждать, что, напр., великорусский язык и малорусский язык находятся между собою в более близком родстве, чем с польским, что с немецким языком у них родство еще более отдаленное, чем с польским, с турецким же или с финским ни великорусский, ни малорусский язык не находятся ни в каком родстве. Все же попытки распределить народы по степени их родства между собою, руководствуясь какими-либо другими признаками помимо языка, напр., физическим типом, историческими указаниями, характером их быта и т. д., дают либо расплывчатые и неопределенные результаты, либо такие выводы, которые легко можно оспаривать.

С точки зрения языка многочисленные народы, живущие в России, распадаются на несколько больших семей. Наиболее многочисленной из них и вместе с тем наиболее важной по своему значению является индо-европейская семья народов, в свою очередь распадающаяся на несколько ветвей; такова славянская ветвь, к которой помимо великороссов, малороссов, белоруссов принадлежат также поляки, чехи, болгары, сербы; далее следует литовско-латышская ветвь, к которой принадлежат латыши, литовцы, жмудины; затем—германская ветвь (немцы, шведы), романская (молдаване), иранская; к этой же семье народов принадлежат греки, цыгане и т. д. Семитическая семья народов, сыгравшая в истории человечества такую крупную роль, представлена в России евреями и немногочисленными арабами. Гораздо многочисленнее урало-алтайская семья народов, охватывающая большую часть инородцев, живущих в северной и восточной части европейской России, в Сибири, в Средней Азии и отчасти на Кавказе. Эта семья распадается на не-

сколько ветвей: финскую, тюркскую, монгольскую, тунгусскую и самоедскую. Затем среди народов Кавказа имеется три самостоятельных по языку семьи народов, из которых наиболее важной является грузинская или картвельская. И, наконец, в Сибири имеется несколько небольших народов, языки которых стоят особняком, не имеют родства ни с какими другими языками или, по крайней мере, еще недостаточно изучены, чтобы судить о таком родстве.

С точки зрения языковедения такое распределение живущих в России народов не может подлежать оспариванию, но нам придется вносить в него некоторые поправки. Нас интересует культура народа в ее целом, духовный облик народа, а язык составляет лишь одну из частей этой культуры. И вот, бывают такие случаи, когда, несмотря на вполне определенную близость языка, другие стороны духовной жизни резко разделяют два родственных по языку народа или, наоборот, спаивают в одно целое народы совершенно различного происхождения, говорящие на совершенно чуждых друг другу языках. Особенно большое значение из фактов подобного рода имеет религия, и ярким примером этого могут служить евреи. Древний еврейский язык как бы вымер и вышел из употребления в повседневном обиходе современного еврейства. Теперешние евреи не имеют своего особого языка и говорят на разных языках смотря по странам, где они живут, и напр., в наших западных губерниях и в Польше евреи говорят на так называемом «жаргоне», т. е. испорченном немецком языке с большою примесью польских и русских слов; кавказские евреи-горцы говорят на татском языке, близком к персидскому, а караимы и так называемые «крымчаки» говорят на татарском языке. И тем не менее отсутствие собственного языка не мешает евреям сохранять свое единство и чувствовать себя особым самостоятельным народом. Их сплачивает в одно целое их религия, и эта спайка настолько прочна, что евреи проявляют больше внутренней целостности, больше взаимной солидарности, чем многие другие народы, внутри которых нет никаких даже мелких различий по языку.

Еврейская религия—не единственная, способная тесно сплачивать своих последователей и умеющая поставить единство веры выше различий по языку. Католичество и мусульманство тоже обладают этой способностью в высшей мере, и их последователи при всем различии между ними по языку все же сознают себя принадлежащими к одной общей семье. Часть белоруссов исповедует католическую религию; и вот, оставаясь по языку самыми настоящими белоруссами, они тем не менее чувствуют себя более тесно связанными с единоверными им поляками, чем с единокровными им белоруссами. Аджарцы, живущие на Кавказе, в Батумской области, по языку самые настоящие грузины, но грузины—православные, а аджарцы—мусульмане, и вот аджарцы считают себя стоящими гораздо ближе к туркам, с которыми они объединены общностью религии, чем к своим братьям грузинам. Нам часто приходится слышать о политических стремлениях мусульманства, в Государственной Думе была особая мусульманская фракция, на выборах в Учредительное Собрание выставлялись особые специально-мусульманские списки, но ведь мусульмане объединены между собою только общностью религии. Татары, киргизы, узбеки, сарты, персы, курды, турки говорят на различных языках, отчасти не находящихся ни в каком родстве между собою, различаются порою глубоко по своему быту, но все они мусульмане. И этой единственной связи между ними действительно достаточно, чтобы сплотить их в одно целое. Так глубоко мусульманство проникает во всю жизнь своих последователей.

Конечно, это—явление до некоторой степени временное; постепенно религиозныя узы ослабевают, и единство веры уступает место единству других интересов. В частности тот факт, что именно еврейство, католичество и мусульманство, а не другие какие-либо вероисповедания, теснее всего сплачивают у нас своих последователей, объясняется между прочим и тем, что все эти религии были в России на положении гонимых или, по крайней мере, были соединены с серьезными ограничениями в правах для их последователей. Религиозные гонения и ограничения всегда и

всюду имели своим непременным последствием усиление религиозного чувства у последователей гонимого вероисповедания и вместе с тем и усиление между ними внутренней связи. Это самое повторялось и в России. Впоследствии по мере упрочения религиозной свободы еврейство, католичество и мусульманство, надо думать, в значительной мере утратят свою власть над политическими и общественными стремлениями своих последователей, но теперь они эту власть сохраняют в полной мере, и вследствие этого национальный вопрос в России сильно осложняется религиозным вопросом.

Различаясь между собою по языку, по верованиям, по образу жизни, обитающие в пределах России народы различаются и своими историческими судьбами. Одни из них с незапамятных времен живут именно на тех самых местах, которые они занимают ныне, другие пришли на теперешние места жительства сравнительно недавно. Одни все более и более расширяют область своего распространения, область распространения других, наоборот, постепенно все более суживается. Одни народы возрастают в численности, другие, наоборот, убывают. Вся прошлая история России заполнена такими передвижениями народов, совершавшимися то быстро, как бы скачками, то, наоборот, происходившими медленно, с большою постепенностью. И если составить ряд карт, показывающих расселение в России различных народностей в настоящее время и 100—200—500—1000 лет тому назад, то карты эти получатся очень непохожими одна на другую. Не мало народов, о которых упоминают наши летописи, исчезли совершенно бесследно, да впрочем, не надо так далеко обращаться к прошлому: можно сказать почти на нашей памяти, в течение последнего столетия исчез с Кавказа ряд черкесских племен, целиком переселившихся в пределы Турции после завоевания Кавказа русскими, вымерли последние остатки таких народов, как кревинги, котты и т. д., и т. д. Еще чаще можно наблюдать постепенное ограничение области, занимаемой каким либо народом. Достаточно было бы совершить по мордовскому краю две поездки, отделенные одна от другой

промежутком в несколько десятилетий, чтобы быть свидетелем глубоких перемен, происшедших за этот сравнительно короткий срок. Многие деревни, где прежде слышалась мордовская речь, виднелись мордовские костюмы, выполнялись мордовские обычаи, при второй поездке представились бы уже ничем не отличающимися от обычной русской деревни.

Главную роль в этих изменениях национального состава населения России играло великорусское племя. Оно с наибольшей энергией распространяло свои пределы и продвигалось одновременно на север, на восток и на юг, пока не достигло наконец берегов Ледовитого и Великого океанов. Продвижения эти шли иногда насильственным путем, сопровождались войнами и покорением побежденных народов, но гораздо большую роль сыграли тут мирные явления, переселение и подчинение своему культурному влиянию соседних народов, их постепенное обрусение. История не сохранила нам никаких воспоминаний о насильственном завоевании, положим, Московской, Рязанской или Орловской губ., заселенных теперь сплошь великороссами, и однако в этих губерниях жили когда то в старину финские племена. История Поволжья 19-го века не знает никаких воинских походов, и однако и тут за прошлое столетие произошли громадные изменения в национальном составе населения, и главными деятелями в этих изменениях были великороссы. За великороссами продвигались иногда и другие народы. Я не говорю уже про то, как с распространением русского владычества во вновь основанных или в завоеванных городах поселялись на ряду с русскими немцы, поляки, евреи и т. д. То же самое можно наблюдать и в сельских местностях. Примкнув к русскому переселенческому движению на восток, мордва перевалила за Урал и теперь в Сибири и Средней Азии имеется целый ряд мордовских деревень. Со времени завоевания Кавказа русскими здесь появились эстонские поселения и т. д., и т. д.

Не надо думать, чтобы эти изменения были преимущественно делом прошлого или чтобы они прежде происходили быстрее, чем теперь. Наоборот, именно теперь эти изменения

идут особенно быстро и в наиболее широких размерах, несмотря на то, что у некоторых народов пробудилось спавшее до сих пор национальное самосознание и появилось стремление сохранить во что бы то ни стало свою национальную самобытность. И причин таких быстрых и глубоких изменений много: тут и влияние русской школы, и обязательная всеобщая воинская повинность, но главное значение, пожалуй, имеет все возрастающая подвижность населения. Прежде, когда можно было скоротать весь свой век в родной деревне, когда поездка в уездный город представлялась далеким и необычайным путешествием, инародцу не трудно было обходиться без знания русского языка. Теперь, когда судьба заносит того же самого инородца в поисках работы в самые разнообразные уголки России, он невольно знакомится с русским языком, мало того, должен заранее стараться научиться говорить по-русски, потому что иначе он будет поставлен в очень тяжелые условия. Русский язык нужен всем народам, живущим в России, они без него не могут обойтись, и вот появляется стремление изучать русский язык, стремление не вынужденное, не навязанное извне, и возникающее само собою, чисто естественным путем вследствие изменившихся условий жизни и невозможности провести всю жизнь, не выезжая из своего угла. С другой стороны, русский язык как бы сам приближается к инородческому населению. Проводятся железные дороги, основываются станции, пароходные пристани, возникают новые фабрики и заводы, и на всех этих поселениях нового типа с их смешанным населением слышится уже русская речь, хотя бы поселения эти возникли в чисто инородческих местностях. Инородцы слышат русскую речь, привыкают к ней, начинают ее усваивать, а затем, по мере того, как население все более смешивается, они и совсем забывают свой родной язык. И теперь можно указать сколько угодно деревень, где старики еще помнят родной язык, а молодежь уже не говорит ни на каком ином языке, кроме русского; пройдет еще несколько лет, старики вымрут и деревни эти уже будут считаться чисто русскими несмотря на то, что одним - двумя поколениями

раньше они были чисто мордовскими или чувашскими. Эти естественные причины играли и играют в деле обрусения инородцев гораздо большую роль, чем применявшиеся иногда меры насильственного насаждения русского языка и русской культуры. Насилие в данной области ведет к противоположным результатам; оскорбляя национальное достоинство, которое есть у самого маленького народа, оно заставляет, наоборот, особенно цепко держаться за свои национальные особенности, дорожить своим языком, своими старинными обычаями. Как преследования не ослабляют, а усиливают гонимую церковь, так и национальные преследования лишь усиливают гонимую народность, сплочивают ее и делают более стойкой в деле отстаивания своей национальной самобытности.

Когда нам придется говорить о численности отдельных народов, живущих в России, мы вынуждены будем пользоваться преимущественно данными Всероссийской переписи 1897 г. Данныя эти несомненно очень сильно устарели, но заменить их нечем, так как имеющиеся в нашем распоряжении более поздние цифры во многих случаях представляются величинами несоизмеримыми. С одной стороны, они относятся к различным годам, а с другой,—собирались различными не одинаковыми способами. Данные переписи 1897 г. имеют то примущество, что они все приурочены к одному определенному сроку и собраны все по одной и то же программе. Во всяком случае, они дают довольно правильное представление об относительной численности отдельных народов, а это для нашей цели является наиболее важным. Для некоторых народностей и особенно для некоторых местностей цифры 1897 г. однако устарели и в их относительном значении, что обусловлено прежде всего широкою переселенческою волною, направленною в 1906—1911 г.г. в Сибирь и в Степной край. В таких случаях, разумеется, приходится вносить поправки в данные переписи 1897 г.

Великороссы.

Великороссы оправдывают свое название и являются господствующей по численности народностью в России. Перепись 1897 г. определяет их число в $55^1/_2$ милл., что составляет 44,3% тогдашнего населения России, не считая Финляндии. Вполне точными эти цифры назвать нельзя, потому что понятия «великоросс» или «великорусский язык» не вполне определены, и граница между великороссами и белоруссами, а в меньшей степени и граница между великороссами и малороссами представляется иногда спорной. Поэтому некоторые уезды, которые по показаниям переписи 1897 г. надо считать чисто великорусскими, по другим данным заселены сплошь или отчасти белоруссами. В частности составленная Московской Диалектологической Комиссией диалектологическая карта русского языка расширяет область, занятую белоруссами, а следовательно и их численность за счет великороссов по сравнению с данными переписи. Не входя в рассмотрение по существу этих спорных вопросов, можно отметить лишь то, что в переводе на язык цифр разница между теми и другими определениями выразилась бы самое большее в 1—2%, а потому с отмеченными разногласиями можно и не считаться. Во всяком случае для практических целей можно без больших ошибок руководствоваться показаниями переписи 1897 г.

Великороссы живут повсеместно в России, но не всюду распространены одинаково равномерно. Известные местности они занимают сплошь или являются в них резко преобладающею по численности народностью, в других они более или менее сильно перемешаны с народами иного происхождения, в третьих, наконец,—составляют лишь меньшинство всего населения. Великорусскими областями можно назвать следующие. На севере в Архангельской губ. чисто великорусскими являются средние уезды: Онежский, Архангельский, Холмогорский, Шенкурский, Пинежский; в уездах Кольском и Мезенском великоруссы являются

господствующею по численности народностью, но наряду с ними здесь живут и другие народы; наконец, в уездах Кемском и Печерском они составляют меньшинство населения, уступая первое место в Кемском уез. карелам, а в Печерском—зырянам. В Вологодской губ. великороссы являются в меньшинстве в двух восточных уездах Устьсысольском и Яренском; остальные 8 уездов этой губернии чисто великорусские, причем, напр., в Сольвычегодском уезде число лиц не великорусского происхождения не достигает и 0,1%. В Олонецкой губ. чисто великорусскими являются Каргопольский, Пудожский и Вытегорский уезды. В остальных уездах этой губернии население более смешанное, а в уездах Олонецком и Повенецком великороссы даже уступают по численности карелам. В Петроградской губ. чисто великорусским можно назвать лишь Новоладожский уезд; во всех остальных уездах великороссы составляют абсолютное большинство всего населения, но имеется и более или менее значительная примесь народов другого происхождения; особенно смешанным является население Ямбургского, Царскосельского и Шлиссельбургского уездов. В Псковской губ. чисто великорусские уезды Великолуцкий, Новоржевский, Опочецкий и Порховский; в остальных уездах имеется небольшая примесь эстов, латышей и других народов. В Новгородской губ. чисто великорусскими являются уезды Боровичский, Демьянский, Кирилловский, Старорусский, Устюженский и Череповецкий; в остальных уездах имеется небольшая примесь разных финских племен и латышей.

В Тверской губ. в 5 уездах имеется примесь карелов, более значительная (10—20%) в уездах Бежецком, Весьегонском, Вышневолоцком и Новоторжском и ничтожная в Зубцовском. Остальное население губернии, по данным переписи,—великороссы, но другие источники указывают на присутствие в западных уездах белоруссов. Губернии Ярославская, Московская и Владимирская являются сплошь великорусскими; инородцы в них есть только в городах. Такой же чисто великорусской можно назвать и Костромскую губ., где лишь в одном Ветлужском уезде

имеется ничтожная примесь черемисов (около 1,5%), к тому же сильно обрусевших. Относительно Смоленской губ. данныя менее определенны; перепись считает здесь великорусскими все уезды, кроме Краснинского, где преобладают белоруссы, но карта Диалектологической Комиссии включает значительную часть губернии в белорусскую область. Калужская губерния признается переписью 1897 года чисто великорусской, карта Диалектологической Комиссии относит ее почти всецело к области говоров, переходных от великорусских к белорусским. Тульская губ.—чисто великорусская; Рязанская губ. тоже, за исключением Касимовского уезда, где имеется незначительная примесь татар. Чисто великорусской является далее Орловская губ., за исключением разве, может быть, узенькой полоски на ее западной окраине. В Черниговской губ. перепись 1897 г. считает чисто великорусскими Новозыбковский и Стародубский уезды и великорусским с примесью белоруссов—Мглинский у., карта Диалектологической Комиссии относит все эти уезды в белорусскую область. В остальных уездах этой губернии великоруссов, во всяком случае, очень мало. В Курской губ. великороссы составляют абсолютное большинство всего населения во всех уездах, кроме Новооскольского, Путивльского и Грайворонского, где они уступают по численности малороссам, но в большинстве уездов имеется также и примесь малороссов, более значительная в Суджанском, Корочанском, Рыльском, Белгородском, Обоянском и Старооскольском уездах (8—35%). В Воронежской губ. уезды Задонский, Воронежский, Землянский и Нижнедевицкий можно считать чисто великорусскими; в уездах Коротоякском, Бобровском и Новохоперском громадное большинство населения—великороссы, но имеется заметная примесь малороссов (около 15%), в уездах Валуйском и Павловском великороссов и малороссов живет почти поровну и, наконец, в уездах Бирюченском, Богучарском и Острогожском малороссы преобладают численно над великороссами. Тамбовская губ.—чисто великорусская, за исключением трех северных уездов Елатомского, Темни-

ковского и Спасского, где имеется примесь инородцев, мордвы и татар, особенно значительная в Спасском у. Более смешанным является население Пензенской губ.; чисто великорусским здесь можно назвать один лишь Пензенский у.; во всех остальных имеется примесь инородцев, мордвы и татар, иногда ничтожная, иногда довольно значительная; но все-таки во всех уездах Пензенской губ. великороссы составляют абсолютное большинство всего населения.

На востоке в Пермской губ. чисто великорусскими являются лишь Камышловский и Оханский уезды; во всех остальных уездах великороссы составляют абсолютное большинство населения, но на ряду с ними живут и другие народы (башкиры, пермяки, татары, мещеряки, тептяри, черемисы, вотяки и зыряне); более значительна примесь инородцев в уездах Красноуфимском, Осинском, Соликамском, Чердынском и Шадринском. Приблизительно такая же картина наблюдается в Вятской губ., где чисто великорусскими являются лишь Вятский, Котельнический и Нолинский уезды; в остальных же уездах на ряду с великорусским большинством живет и инородческое меньшинство (вотяки, черемисы, татары, башкиры, тептяри, пермяки); особенно значительно это инородческое меньшинство в Глазовском, Елабужском, Малмыжском, Сарапульском, Уржумском и Яранском уездах.

В Нижегородской губ. чисто великорусскими являются лишь Нижегородский, Балахнинский, Горбатовский и Семеновский уезды; во всех остальных есть примесь инородцев (татар, мордвы, черемисов), в уездах Ардатовском, Княгининском, и Макарьевском впрочем совсем ничтожная. В Казанской губ. инородцы (татары, чуваши, черемисы, вотяки, мордва) преобладают над великороссами; чисто великорусских уездов здесь совсем нет; в уездах Казанском, Лаишевском, Свияжском, Спасском, великороссы все же составляют абсолютное большинство населения, а во всех остальных уступают по численности инородцам; особенно сильно преобладание инородцев в Ядринском у., где великороссы не составляют и 10% всего населения. В Сим-

бирской губ. население смешанное, но все же во всех уездах, кроме Буинского, великороссы составляют абсолютное большинство населения; в Буинском же уезде они сильно уступают по численности инородцам (чуваши, татары, мордва). В Саратовской губ. чисто великорусским является один Сердобский у.; во всех остальных уездах на ряду с великороссами живут и другие народы (малороссы, немцы, мордва, татары, чуваши), при чем в Камышинском у. великороссы являются хотя и наиболее многочисленною народностью, но все же абсолютного большинства населения не составляют; в остальных уездах на их стороне абсолютное большинство. В Самарской губ. чисто великорусских уездов нет, но тем не менее в Бугульминском и Новоузенском уездах великороссы составляют относительное большинство населения, а в остальных уездах им принадлежит абсолютное большинство. В Уфимской губ. великороссы значительно уступают по численности инородцам и составляют более половины всего населения лишь в Уфимском и Златоустовском уездах; в остальных уездах они образуют лишь 20—40$^0/_0$ населения. В Оренбургской губ. чисто великорусских уездов нет, но всюду, кроме Орского уезда, великороссы представляют абсолютное большинство всего населения. В Астраханской губ. великороссы составляют более половины всего населения в Астраханском, Енотаевском, Царевском и Черноярском у.у. В области Войска Донского, в большинстве округов великороссы составляют абсолютное большинство всего населения ,но рядом с ними в этих округах живут также малороссы, а местами и другие народы; в Таганрогском же округе великороссы уступают по численности малороссам, а в Сальском—калмыкам. Затем во всей остальной Европейской России, т.-е. в губерниях западных, юго-западных и южных нет не только чисто-великорусских уездов, но и таких, где великороссы составляли бы абсолютное большинство всего населения; даже таких уездов, где они составляют относительное большинство населения, очень мало в этих губерниях, а именно: Одесский у., Херсонской губ., благодаря присутствию большого

числа великороссов в самой Одессе, Симферопольский у., Таврической губ., с включением в его пределы Севастопольского градоначальства, Федоссийский у. той же губернии с включением в его пределы Керчь-Еникальского градоначальства (в обоих этих уездах относительное преобладание великороссам дается также городским населением) и Себежский у., Витебской губ.; впрочем, относительно последнего уезда показания переписи 1897 года о незначительном преобладании здесь великороссов над белоруссами возбуждают некоторые сомнения.

В Царстве Польском великороссы являются пришлым элементом и всюду составляют незначительное меньшинство всего населения.

На северном Кавказе великороссы составляют абсолютное большинство в Ставропольском, Александровском, Медвеженском уездах, Ставропольской губ., в Кизлярском и Пятигорском, Терской области, в Кавказском, Лабинском и Майкопском—Кубанской области, и в Новороссийском—Черноморской губ.; в Баталпашинском отделе Кубанской области и в Туапсинском у., Черноморской губ. великороссам принадлежит относительное большинство; во всех же остальных уездах северного Кавказа они уступают по численности другим народам; чисто великорусских уездов здесь совсем нет. В Закавказье великороссы всюду составляют незначительное меньшинство населения, сосредоточенное преимущественно в городах.

В Западной Сибири уже ко времени переписи 1897 года имелось громадное большинство на стороне великороссов во всех уездах, кроме малонаселенных Березовского и Сургутского, где великороссы уступали по численности инородцам, самоедам и остякам; уезды Ишимский и Курганский уже тогда можно было считать чисто-великорусскими. Такое же положение дел имелось и в Енисейской губ., где лишь в малонаселенном Туруханском округе численно преобладали инородцы, остальные же уезды, хотя и не являлись чисто-великорусскими, то, во всяком случае, давали лишь небольшую примесь инородцев к великорусскому большинству; более заметна эта при-

месь была в Минусинском у., уезд же Красноярский был почти сплошь заселен великороссами. В Иркутской губ. во всех уездах великороссы составляли абсолютное большинство населения, но в Иркутском, Балаганском и Верхоленском на ряду с ними жило значительное число бурят; в других уездах число инородцев было не велико. В Забайкальской области великороссы составляли в 1897 г. абсолютное большинство в уездах Акшинском, Верхнеудинском, Нерчинском, Нерчинско-Заводском и Троицкосавском. В Читинском у. они располагали относительным большинством, а в Баргузинском и Селенгинском уступали по численности бурятам. В Якутской области великороссы составляли большинство всего населения лишь в самом южном из уездов, Олекминском; в остальных уездах они значительно уступали по численности якутам. В Амурской области великороссы составляли в 1897 г. абсолютное большинство. В Приморской области великороссы располагали абсолютным большинством в Уссурийском округе, относительным—в Южно-Уссурийском и Хабаровском, а в остальных—уступали по численности инородцам. Наконец, на Сахалине великороссы составляли абсолютное большинство населения.

Таким образом, уже в 1897 г. великороссы составляли громадное большинство всего населения Сибири (76,8%) и лишь на крайнем севере в скудно населенных северных уездах и округах Тобольской и Енисейской губ. и Якутской и Приморской обл., да в двух уездах Забайкальской обл., они уступали по численности инородцам. С тех пор в Сибирь пересилилось еще много великороссов, коренное же инородческое население Сибири возрастало крайне слабо или даже, наоборот, местами убывало. Поэтому в большинстве уездов соотношение численности народов приняло теперь для великороссов еще более благоприятный характер. Лишь на Дальнем Востоке влияние новых переселений великороссов ослабляется значительным переселением сюда китайцев и корейцев.

В противоположность Сибири в Средней Азии численность великороссов была в 1897 г. очень невелика, и

они составляли там лишь 7,5% всего населения, считая Степной край и Туркестан вместе. В одном лишь Омском у. Акмолинской области они составляли абсолютное большинство населения. В некоторых других уездах они, составляя меньшинство населения, все же жили довольно крупными массами; таков Уральский у. Уральской обл., Петропавловский и Кокчетавский у.у. Акмолинской обл. и т. д. Но зато в целом ряде других уездов они не составляли и одного процента всего населения; таковы: Темирский у. Уральской области, Иргисский и Тургайский у.у., Тургайской обл., Каракалинский у. Семипалатинской обл., Перовский у. Сыр-Дарьинской обл., Джизакский и Катта Курганский уу. Самаркандской обл. и все, кроме Маргеланского, уезды Ферганской обл. После того здесь однако произошли крупные перемены, особенно в Степном Крае вследствие массовых переселений 1906—1911 гг. Насколько существенные изменения в составе населения были внесены этими переселениями, можно судить по следующим примерам; в Акмолинской обл. русские (великороссы, малороссы и белоруссы) составляли в 1897 г. 33% населения, в 1911 г.—58%; в Тургайской обл. в 1897 г. — 8%, в 1911 г.—33%; в Семипалатинской в 1897 г.—10%, в 1911 г.—20% и т. д. К сожалению, у нас нет точных данных, показывающих, как распределялось общее число переселенцев, водворявшихся в отдельных губерниях между великороссами, малороссами и белороссами; известно только, что в Уральской, Тургайской и Семипалатинской обл. преобладают выходцы из малорусских губерний, в Акмолинской же обл. состав переселенцев очень смешанный.

Занимая такую широкую область, великороссы различных областей естественно имеют между собою известные различия. Оставляя в стороне понятные без всяких пояснений различия между горожанами и сельчанами, между жителями фабричных областей и чисто земледельческих местностей, между подмосковными крестьянами и крестьянами, живущими в глухих медвежьих углах,—нельзя не отметить, что даже великорусский язык не всюду одина-

ков. Хорошо известно различие между мягким «акающим» московским, рязанским или орловским говором и более твердым «окающим» ярославским говором, но на самом деле имеется даже не два, а три великорусских говора: северный, средний и южный, разделяющиеся каждый в свою очередь на несколько подговоров. Различия между говорами однако не настолько велики, чтобы затруднять хотя бы в слабой степени взаимное понимание, и помор Архангельской губ. совершенно свободно объясняется с земледельцем Орловской губ. Имеются различия между великороссами отдельных местностей также в обрядах, обычаях, костюмах и т. д.,—различия, иногда довольно существенные и указывающие вместе с различиями в языке на то, что великорусская народность складывалась в различных местностях из разных племенных элементов. Эти различия проникли до известной степени и в сознание народа, так как во многих губерниях крестьянство распадается на несколько обособленных друг от друга групп, различающихся между прочим и названиями: талаган, цуканы и т. д. К сожалению, наши сведения об этой стороне дела очень недостаточны, так как несмотря на то, что великороссы—господствующая народность, они в этнографическом отношении являются одним из наименее изученных народов России. Теперь по мере проникновения в деревню городской культуры различия в обрядах, обычаях, костюме все более сглаживаются, утрачивают свое значение. Впрочем, они и раньше не препятствовали великороссам сознавать свое племенное единство.

Более важными с практической точки зрения были прежде вероисповедные различия между великороссами. Старообрядцы и сектанты различных толков были прежде сильно обособлены от населения, придерживающагося официального православия. Многочисленное, трудолюбивое, богатое и тесно сплоченное внутри старообрядчество представляло резко обособленный мир, живший своею собственною жизнью и всячески сторонившийся так-называемых «никониан». Особенную сплоченность и верность своим заветам придавали им сыпавшиеся на них тяжелые гонения и

преследования, и по мере того, как ослабевали эти гонения, ослабевала и обособленность старообрядцев. В настоящее время при усиливающемся среди народа безразличии к религиозным вопросам и при уравнении старообрядцев в правах с православными прежняя рознь между теми и другими в значительной мере утратила свою остроту. В известных случаях она все же сказывается. Так на выборах в Государственные Думы и особенно на выборах в Учредительное Собрание старообрядцы выступали со своими собственными кандидатскими списками и, надо отдать справедливость, действительно дружно голосовали за эти списки. Подобные же попытки среди официальных православных вести избирательную борьбу под флагом защиты вероисповедных интересов, наоборот, имели в общем очень мало успеха.

Другой обособленной группой великороссов является казачество. Оно отличается от прочих великороссов даже своим племенным составом, так как среди донских казаков кроме великороссов имеется много малороссов, а среди кубанских казаков малороссы даже преобладают над великороссами; не мало найдется среди казаков и представителей других народностей: калмыков, башкир и т. д. Не эти, однако, племенные различия лежат в основе обособленности казаков, а глубокое своеобразие их положения, порядка отбывания воинской повинности, обезпечения землей, управления и т. д., и т. д.

У казаков есть свои интересы, чуждые другому населению, и наоборот некоторые из вопросов, глубоко волнующих крестьянскую и рабочую среду, не находят себе отклика у казачества. Весь уклад жизни у казачества иной, чем у остального населения, и это разумеется не могло не привести к обособлению казачьих интересов. Внутри себя казачество представляет более сплоченную массу, чем население соседних губерний, и это объясняет нам, почему специально-казачьи списки, выставлявшиеся на государственных выборах, всегда имели успех. Все казачество разделяется на несколько вполне самостоятельных «войск»: донское, кубанское, терское, астраханское, оренбургское,

уральское, сибирское, забайкальское, амурское и уссурийское. С внешней стороны они ничем не связаны между собой, но общность интересов и условий жизни создает между ними внутреннюю связь; в Государственной Думе все казачьи депутаты, независимо от того, от какого войска они выбраны, объединялись в общеказачью группу.

Но при всех указанных различиях великороссы все-таки представляют единый народ. Ярославец и орловец, горожанин и селянин, крестьянин, рабочий и казак, православный и старообрядец одинаково считают себя «русскими» и в национальном отношении не противопоставляют себя один другому ни в зависимости от местности, ни от говора, ни от рода занятий, ни от вероисповедания. И по мере роста просвещения среди народа сознание национального единства еще более закрепляется объединяющим влиянием великой русской литературы, русского искусства, русской науки. Пушкин и Толстой одинаково дороги всем великороссам, и народ, выделивший из своей среды таких гениев, не может ни при каких условиях забыть своего национального единства.

Малороссы.

Малороссы представляют вторую по численности народность в России. Перепись 1897 г. определяет их число в 22 милл. с лишком или 17,8% всего населения. Они занимают обширную область на юго-западе и на юге России, где они являются господствующей по численности народностью, а кроме того, значительные малорусские поселения имеются и в других губерниях, не исключая и Сибири. Приблизительно область, занятую малороссами, можно определить следующим образом.

На северо-западе в Гродненской губ. малороссы составляют абсолютное большинство населения в Кобринском и Брестском у.у. и относительное в Бельском. Большинство

населения они составляют также в выделенной из Царства Польского Холмской губ. Далее, они составляют абсолютное большинство во всех без исключения уездах Волынской, Подольской и Киевской губ., причем по отдельным уездам этих трех губерний число их колеблется от 56,2% в Киевском у., до 89,4% в Чигиринском. На левом берегу Днепра они составляют абсолютное большинство населения во всех уездах Черниговской губ. кроме четырех северных (Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского), причем в занятых ими уездах этой губернии они составляют от 86,1 до 96,3% населения. Надо, впрочем, иметь в виду, что вопрос об этнографической границе между малороссами и белоруссами возбуждает среди ученых некоторые разногласия. Наиболее чистой малорусской губернией является Полтавская, где ни в одном уезде число малороссов не спускается ниже 80,3%, а в Зеньковском у. достигает 98,1%; по всей же губернии малороссы составляют 93,0% населения. В Харьковской губ. малороссы равным образом составляют абсолютное большинство населения во всех уездах, но здесь уже заметнее примесь великороссов в число малороссов по всей губерни понижается до 80,6%. В Курской губ. они имеют перевес над великороссами в трех уездах: Грайворонском, Путивльском и Ново-Оскольском, но перевес этот незначителен; в остальных же уездах Курской губ. малороссы значительно уступают по численности великороссам, а в самых северных и совсем отсутствуют. В Воронежской губ. малороссное большинство имеется в четырех уездах: Острогожском, Богучарском, Бирюченском и Валуйском (в последнем совсем незначительное; в Павловском, Бобровском, Новохоперском и Коротоякском у.у. они находятся в меньшинстве, но все же составляют заметную величину; в Нижнедевицком и Землянском у.у. имеются лишь единичные малоросские селения, а в Воронежском и Задонском у.у. они совсем отсутствуют.

Из так называемых Новороссийских губерний малороссы составляют абсолютное большинство во всех уездах Екатеринославской губ., кроме Мариупольского, где

они располагают относительным большинством, во всех уездах Херсонской губ. кроме Тираспольского и Одесского, из которых в первом они располагают относительным большинством (33,3%), а во втором уступают по численности великороссам, и в трех северных уездах Таврической губ. Днепровском, Бердянском и Мелитопольском; в Крыму же малороссы уступают по численности как великороссам, так и татарам. Далее, на западе малороссы составляют абсолютное большинство населения в Хотинском у. Бессарабской губ. и относительное в разноплеменном Аккерманском у. той же губернии; заметную величину (10—20%) составляют они также в Измаильском, Сорокском, Елецком и Бендерском у. На востоке, в области войска Донского, малороссы располагают абсолютным большинством в Таганрогском округе; в других округах той же области число их тоже значительно (в Донецком 38,9%, в Ростовском 33,6%), но все же они уступают великороссам.

Все перечисленныя губернии и уезды занимают одну сплошную область, лежат как бы в пределах одной границы. Но и вне этих пределов в Европейской России есть местами значительные малорусские поселения, именно в Поволжье, в Аткарском, Балашевском, Камышинском и Царицынском у.у. Саратовской губ. (8—15% всего населения), в Новоузенском у. Самарской губ. (17%) и в Черноярском, Енотаевском и Царевском у.у. Астраханской губ. (18—40%). Наконец, в Орском и Оренбургском у.у. Оренбургской губ. малороссы составляют 4—5% населения. В остальных губерниях и уездах Европейской России, равно как и в Царстве Польском по выделении из него Холмской губ. число малороссов ничтожно. Зато на северном Кавказе малороссы представляют очень крупную величину. В Кубанской обл. они составляют абсолютное большинство населения в Темрюкском, Ейском и Екатеринодарском у.у., да и в остальных их число не спускается ниже 19%. В Ставропольской губ. они составляют абсолютное большинство, правда, очень скромное в Новогригорьевском у., в других же их число колеблется от 10 до 45%. В Терской обл. их больше всего в Пятигорском у.

(13, 8%). но есть малорусские поселения и в других округах. В Черноморской губ. они составляют от 9 до 24% населения. В Закавказье число малороссов ничтожно. В Сибири более значительные поселения имелись в Томской, Тобольской и Енисейской губ., в Амурской обл. и в южной части Приморской обл., в Средней Азии—в Акмолинской и Семиреченской обл. Но в общем, число малороссов в Сибири и в Средней Азии было в 1897 г. невелико, 223 тыс. в Сибири и 101 тыс. в Средней Азии.

Таково было положение дел в 1897 г. Но массовое переселенческое движение 1906—1911 г.г. захватило главным образом южные малороссийские губернии и значительно повлияло на относительную численность малороссов в различных местностях. Достаточно сказать, что за период времени с 1897 по 1911 г.г. Полтавская губ., давшая 254 тыс. переселенцев в Сибирь и Среднюю Азию стоит по числу выселенцев на первом месте; второе—занимает Черниговская губ. с 210 тыс. переселенцев, на третьем стоит Курская губ. и т. д., Киевская дала 140 тыс. переселенцев, Харьковская—135 тыс., Екатеринославская—113 тыс., и т. д., и т. д. В общем итоге после переписи выселилось в Сибирь и Среднюю Азию значительно больше миллиона малороссов, т.-е. приблизительно в четыре раза больше того числа, их, что жило там раньше. Это обстоятельство не усилило малороссов на новых местах, потому что и в Сибири и в Средней Азии они все-таки и теперь составляют скромное меньшинство всего населения и значительно уступают по численности великороссам. Но на старых местах жительства положение малороссов стало вследствие переселений менее прочным, чем раньше. Если взять те уезды, в которых малороссы составляли в 1897 г. абсолютное большинство всего населения и которые занимают одну сплошную область, лежат как бы в одной меже, то окажется, что в этой области жило тогда 83,2% всего числа малороссов, а с присоединением соседних участков уездов, где нет малорусского большинства, получим, что 85—90% малороссов жило в той области, которую можно назвать Малороссией. Теперь в тех же самых пределах живет лишь

75—80% общего числа малороссов, что дает уже значительно большее рассеяние народа. Да и самые границы Малороссии, возможно, теперь сузились, так как приходится считаться с допустимостью предположения, что в некоторых уездах с малорусским большинством теперь это большинство перешло на сторону великороссов. Во всяком случае для суждения об относительной численности малороссов в различных местностях цифры 1897 г. сильно устарели, и это обстоятельство надо помнить.

Малороссы так же, как и великороссы, не представляют полного единства на всем протяжении занимаемого ими пространства. Среди них тоже различается три основных говора: южно-малорусский, северно-малорусский и карпато-угорский, с подразделениями на подговоры. Имеются также большие различия между малороссами отдельных местностей в бытовом отношении и, конечно, весь уклад жизни кубанского казака совершенно иной, чем у гродненского крестьянина. Есть среди малороссов различия также в обрядах, обычаях, костюме и т. п. Но при всем том ни одна группа среди малороссов не обособляет себя в своем сознании от остального народа и не противопоставляет себя другим подобным же группам. В этом отношении можно говорить о единстве национального сознания у малороссов, но надо в то же время иметь в виду, что это национальное сознание малороссов не всегда побуждает их противопоставлять себя великороссам, что оно в значительной мере является обще-русским национальным самосознанием, а не более узким малоросским. Правда, за последния десятилетия наблюдалось сильное националистическое движение, резко противопоставлявшее малороссов великороссам и добивавшееся создания самостоятельной Украины, но это движение было представлено главным образом в интеллигентной среде. Малороссийское дворянство, особенно крупные землевладельцы, было совершенно чуждо этому движению, и члены Гос. Дум, проходившие по спискам землевладельцев, числились преимущественно в рядах октябристов и националистов в общерусском, а не специально малороссийском смысле слова, и неоднократно

выступали против даже самых скромных пожеланий малороссийской автономии. Буржуазия на Украине, состоящая из элементов очень различных по национальному происхождению, тоже совершенно лишена националистической окраски и жила до сих пор общегосударственными интересами. Слабо представлено националистическое движение и среди духовенства, не представляющего впрочем в Малороссии влиятельной группы населения. Наконец, что касается малорусскаго крестьянства, то и оно чуждо узкого национализма и противопоставления себя великороссам. К специально национальным вопросам крестьянство относится в общем в значительной мере равнодушно, а великорусский язык оно противопоставляет малорусскому, как язык городской, язык образованных классов, языку деревни. События 1917 и 1918 г.г., конечно, не могли не отразиться на настроении широких народных масс, но в данный момент было бы очень трудно учитывать их влияние.

Во всяком случае среди малороссов есть партии, добивающиеся полной самостоятельности и независимости Малороссии в ее этнографических весьма широких границах. Но надо иметь в виду, что не вся область, занятая малороссами теперь, занята ими с давних пор. В Новороссии (губернии Екатеринославская, Херсонская, Таврическая), не говоря уже про Кубанскую область и Ставропольскую губ., малороссы—сравнительно очень недавние переселенцы. И эти области были присоединены к России и открыты для переселения малороссов усилиями не одних лишь малороссов, а всего русского народа, всего русского государства. Поэтому в данном случае вопрос об этнографических границах приходится разрешать в известной связи с вопросом об исторических правах на ту или другую местность.

Белоруссы.

Третья большая отрасль русского племени—белоруссы. Численность их в 1897 г. была несколько меньше 6-ти милл. и они жили тогда еще более сосредоточенно, чем малороссы. Область, занятая ими, охватывает всю Минскую и Могилевскую губ., во всех уездах которой они составляют абсолютное большинство населения, Красниинский у. Смоленской губ., восточную часть Витебской губ. (уу. Витебский, Велижский, Невельский, Городокский, Лепельский, Полоцкий и Дриссенский), восточную часть Виленской губ. (у.у. Дисненский, Вилейский, Ошмянский и Лидский) и северо-восточную часть Гродненской губ., (у.у. Гродненский, Сокольский, Волковыский, Слонимский и Пружанский, и Суражский у. Черниговской губ.; во всех этих уездах они составляют тоже абсолютное большинство населения. Несколько меньше половины всего населения белоруссы составляют в Себежском у. Витебской губ. Кроме того, значительное число белоруссов имеется во всех остальных уездах Витебской (за исключением Режицкого) и Виленской губ., в Белостокском у. Гродненской губ., в Ново-Александровском у. Ковенской губ., в Августовском у. Сувалкской губ., в Мглинском у. Черниговской губ. Впрочем, как уже упоминалось ранее, границы Белоруссии нельзя считать вполне установленными и карта Диалектологической комиссии расширяет эти границы за счет великоруссов и в то же время несколько суживает их в пользу малороссов.

В общем, в только что указанных губерниях и уездах, находящихся как бы в одной границе и составляющих Белоруссию, жило в 1897 г. 97% общего числа белоруссов; вне же этих пределов число их было ничтожно. Достаточно сказать, что во всей Сибири в 1897 г. числилось 12,000 белоруссов, а во всей Средней Азии менее тысячи человек. Следовательно мало таких народов, которые превосходили бы белоруссов в своей привязанности к на-

сиженным местам и которые так неохотно расставались бы с родиной. Переселения начала нынешнего века затронули однако и белоруссов. В 1897—1911 г. переселилось в Сибирь и Среднюю Азию из Могилевской губ. 169 тыс. человек, из Витебской—116 тыс., из Минской —69 тыс. и т. д., и, следовательно, число белоруссов в Сибири и Средней Азии, по сравнению с 1897 г., увеличилось в десятки раз. Но все-таки белоруссы и теперь принадлежат к числу тех народов, которые сосредоточены **в одном месте.**

По сравнению с великороссами или малороссами белоруссы обнаруживают внутри себя меньше различий как по языку, так и в бытовом отношении. И это вполне понятно, если принять во внимание меньшую численность белоруссов и меньшие пределы занимаемой ими области. А, кроме того, белоруссы представляют и более однородную в хозяйственном отношении массу, состоя почти исключительно из рядового крестьянства, занимающегося земледелием. Своего дворянства и своей буржуазии у них нет, своей интеллигенции мало, отхожие промыслы развиты у них слабо и даже фабричных заведений в населенной ими области сравнительно немного. Но есть одна сторона жизни, которая вносит известную рознь в среду белоруссов, это—религия. Белоруссы долго жили под влиянием польской культуры и католичества, а потом униатства. После воссоединения униатов большинство белоруссов были зачислены в православные, но они сохранили униатские симпатии и до некоторой степени униатские обряды; в западных же уездах они и до сих пор остались верны католичеству. И вот эти белоруссы-католики, число которых впрочем не велико, в значительной степени тяготеют к единоверной им Польше, тогда как остальная главная масса белоруссов столь-же определенно тяготеет по своим симпатиям к России.

Чисто националистические специально белорусские течения представлены слабо, и белорусский национализм, начавший проявлять себя в самые последние годы, не успел принять сколько ни-

будь осязательные формы. В противоположность малорусской интеллигенции белорусская слаба и пользуется малым влиянием, а сам народ относится к национальным вопросам равнодушно. А, кроме того, вообще белоруссы более забиты и более отстали в культурном отношении по сравнению с великороссами и малороссами, и общественно-политическая жизнь развита среди них очень слабо. Ведь все-таки в великорусских и части малорусских губерний имелось земство, которое воспитывало в населении некоторые общественные навыки; белорусские же губернии получили земство лишь совсем не задолго до войны. Культурная отсталость белоруссов видна сразу даже во внешнем обиходе их жизни. Землей они обеспечены не хуже великороссов и малороссов и средств у них не меньше, и тем не менее обстановка их жизни поражает своим убожеством: большое количество курных изб, соломенные крыши, несмотря на обилие леса, грязь, темнота в хатах, веревочная упряжь и т. д., и т. д. И все это не потому, чтобы не хватило средств на лучшее обзаведение, а исключительно по ограниченности потребностей.

Другие славянские народы.

Из других славянских народов в России живут поляки, чехи, болгары и сербы. Поляков в России по переписи 1897 г. считалось без малого 8 милл., из которых 6¾ милл. приходилось на Царство Польское, где они составляли абсолютное большинство населения во всех уездах, кроме выделенных впоследствии в особую Холмскую губ. уездов Люблинской и Седлецкой губ. и кроме Сувалкской губ., в которой они располагали абсолютным большинством лишь в Сувалкском у. и относительным в Августовском. Вне пределов Царства Польского поляки представляли наиболее многочисленную народность в Белостокском у. Гродненской губ., но соста-

вляли здесь лишь треть всего населения. Далее в довольно значительном числе поляки живут во всех уездах северо-западных, западных и юго-западных губерний (Ковенская, Гродненская, Виленская, Витебская, Могилевская, Минская, Киевская, Волынская и Подольская). Во всех этих губерниях поляки составляют скромное меньшинство населения от 1,4% в Могилевской г., до 10,1% в Гродненской, но благодаря своей высокой духовной и общественной культуре, благодаря своей тесной сплоченности и благодаря тому, что они сохранили здесь в своих руках значительную долю частновладельческих земель и умели хорошо поставить хозяйство в своих имениях, они и в данных губерниях являются очень влиятельной группой населения,—гораздо более влиятельной, чем можно было бы ожидать на основании одних цифровых данных. На поляков в этих губерниях были наложены серьезные ограничения в праве покупки земель, на выборах в Государственную Думу и в земские собрания, но эти ограничения не могли подорвать влияния поляков и не могли сломить их энергии в деле отстаивания своих национальных интересов. Из-за борьбы с ними П. А. Столыпин и его преемники уродовали выборы в Государственную Думу, уродовали представительство в земских собраниях, и все-таки они не могли совершенно задушить польское представительство.

В небольшом числе живут поляки и во всех остальных губерниях Европейской России, на Кавказе, в Средней Азии и в Сибири. Но здесь они являются уже пришлым элементом, сосредоточенным преимущественно в городах и состоящим на государственной или частной службе или занимающимся интеллигентным трудом. Глубоких прочных корней они здесь не пускают, семьи берут с собой в сравнительно редких случаях, о чем можно судить хотя бы по тому факту, что в Средней Азии поляков мужчин в девять раз больше, чем женщин, на Кавказе—в пять раз, в Сибири—в три раза и т. д. Но несмотря на свою малочисленность, поляки в этих местах не забывают своей национальности, держатся дружно между собою, устран-

вают свои национальные просветительные и благотворительные учреждения, издают газеты и т. д.; вообще и здесь охраняют свои национальные интересы. В этом отношении поляки являются одной из наиболее стойких народностей, а их блестящее историческое прошлое, их богатая литература и высота их общей культуры дают им право особенно дорожить своим национальным достоинством.

Кроме России большое число поляков живет в пределах Австро-Венгрии и Германии, и, вообще, из всех славянских народностей они по численности занимают первое место после русских. В этнографическом отношении они не представляют вполне однородной массы и разбиваются на несколько племен, отличающихся языком, обычаями и т. п., но они уже давно слились в единую и целостную нацию, и различия между ними, очень интересные для этнографа, ни в малейшей степени не отражаются на политических чаяниях и стремлениях польского народа. Среди поляков много политических партий, но рознь между этими партиями обусловливается обычною для культурных стран рознью социальных и политических интересов, но отнюдь не отсутствием достаточно ясного сознания национального единства.

События последних лет открыли пути к воссозданию независимого польского государства, и поляки, несомненно, имеют право на такое независимое государственное существование. Это право дают им не только их прошлое, не только высота их культурного развития и верность своим национальным заветам, но и их хозяйственная стойкость и умение присобляться к меняющимся условиям жизни. Пятьдесят лет тому назад Польша была почти чисто земледельческой страной, и вся польская культура носила, так сказать, дворянский отпечаток. Но с тех пор поляки сумели создать свою промышленность, выделили из своей среды сильную буржуазию и не менее сильный рабочий класс, и это является лучшим залогом того, что для независимого польского государства действительно имеется твердая почва, что оно будет жить не одними воспомина-

ніями прошлого, а сможет итти нова в ногу с развитием более старых государств Европы.

Число чехов в России составляло в 1897 г. около 50 тыс. человек, причем более половины этого числа приходилось на Волынскую губ., где имелись чешские колонии в Дубенском, Луцком, Острожском, Ровенском уу. и где чехи занимаются, главным образом, земледельческим трудом. Менее крупные чешские колонии имеются также в Царстве Польском в Ласском у. Петроковской губ. В остальных местностях число чехов незначительно и они сосредоточены преимущественно по городам.

Болгар в России было в 1897 г. 173 тыс. и жили они главным образом в Бессарабии (Аккерманский, Измаильский и Бендерский у.у.), в Херсонской губ. (Тираспольский и Одесский у.у.) и в Таврической (Бердянский, Феодосийский и Симферопольский у.у.), занимаясь почти исключительно земледелием. Вне этих пределов число их в России ничтожно.

Сербов в России перепись 1897 г. насчитывала менее двух тысяч человек, но прежде на юге имелись довольно значительные сербские поселения; очевидно, жившие там сербы теперь совершенно утратили свою национальность и обрусели.

Латыши, литовцы, жмудины.

Из других ветвей индо-европейской семьи народов наиболее многочисленной в России является литовско-латышская ветвь, к которой принадлежат три народности: литовцы, жмудины и латыши.

Литовцы живут в трех смежных губерниях Ковенской, Виленской и Сувалкской. В первой они составляют абсолютное большинство населения в уездах Вилькомирском и Поневежском и относительное—в Новоалександровском и Ковенском; в меньшем числе они имеются также и в остальных уездах этой губернии. В Виленской губернии они составляют абсолютное большинство в Трокском у.,

в уездах же Свенцянском и Виленском они несмотря на свою многочисленность уступают по численности белоруссам; менее значительны их поселения в Лидском и Ошмянском у.у. Наконец, в Сувалкской губ. они составляют абсолютное большинство в 5 северных уездах: Владиславском, Мариампольском, Кальварийском, Волковышском и Сейненском; есть литовския селения и в Сувалкском у. Вне пределов этих трех губерний литовские селения можно встретить в небольшом числе в Иллукстском и некоторых других уездах Курляндской губ.; есть далее небольшое число литовцев в Лифляндской, Могилевской, Витебской и Гродненской губ., а отдельные литовские семьи попадаются и в других губерниях. В общем, однако громадное большинство литовцев сосредоточено в пределах трех указанных выше губерний; здесь жило около 96% их общего числа, так что литовский народ отнюдь не страдает от излишнего рассеяния маленькими группами, затеривающимися среди других народностей. Общая численность литовцев в России достигала в 1897 г. 1,210 тыс. Небольшое число их живет также в Германии, в Восточной Пруссии.

Жмудины непосредственно примыкают к литовцам с запада; они составляют абсолютное большинство населения в Россиенском, Тельшовском и Шавельском у. у. Ковенской губ. и, кроме того, жмудинские селения имеются в Ковенском уезде; вообще в пределах Ковенской губ. живет свыше 99% всего числа жмудин, так что они занимают среди всех сколько нибудь крупных народов России чуть не первое место по своей сосредоточенности в одной строго отграниченной местности. Вне Ковенской губ. их можно встретить очень редко. Число жмудин в России в 1897 г. немного не достигало 450 тыс. Есть жмудинские поселения и в Восточной Пруссии.

Латыши—северные соседи литовцев и жмудов. Они составляют абсолютное большинство в 4 южных уездах Лифляндской губ. (Валкском, Вольмарском, Венденском и Рижском), во всех уездах Курляндской губ. кроме Иллукстского, где они располагают лишь относительным большинством,

и в Люцинском и Режицком у.у. Витебской губ.; в Двинском у. той же губ. они составляют относительное большинство населения. Имеются в небольшом числе латышские селения также в Витебском, Велижском и Полоцком у.у. Витебской губ., в Поневежском, Шавельском, Тельшевском и Новоалександровском у.у. Ковенской губ., в Псковском, Островском, Торопецком и Холмском у.у. Псковской губ., в некоторых уездах Новгородской и Могилевской губ. и т. д. Сравнительно с литовцами и жмудами латыши не так сосредоточены в одном месте, но тем не менее южная половина Лифляндии, Курляндии и прилегающие уезды Витебской губ. составляют область, которую можно назвать латышской; здесь латыши составляют значительное большинство всего населения и здесь сосредеточена главная масса всего латышского народа. Общее число латышей по переписи 1897 г. было 1,436 тыс. Всего же латышей, литовцев и жмудинов жило тогда в России свыше 3 милл.

Латыши, литовцы и жмудины—родственные между собою народности, но их исторические судьбы были различны, они развивались под различными культурными влияниями и, вследствие этого, они, несмотря на бликое соседство, довольно далеко отошли друг от друга. Латыши развивались под влиянием немцев и протестантства и это наложило свой отпечаток на их культуру. Эта культура носит, так сказать, городской характер. Латыши, правда, занимаются, и при том очень успешно, земледелием, но вместе с тем они дают очень большое число лиц, живущих в городах и занимающихся самыми разнообразными видами городского труда. Латыши имеют свою хорошую литературу, которая, правда, не выделила из себя ни одного имени мировой известности, но живет теми же интересами, как и любая другая европейская литература; у латышей есть далее своя интеллигенция, свои многочисленные журналы и газеты, свой театр и т. д. Вообще, в культурном отношении они достигли уже очень многого, хотя и начали свою культурную работу сравнительно очень недавно, лет сто тому назад. Очень прочно стоят латыши и в хозяйственном

отношении; они превосходные сельские хозяева и вместе с тем выделили из своей среды достаточно сильный буржуазный класс, достигший уже заметных успехов в области промышленности и торговли. Выселяясь с своей родины в какие либо иные места они и тут не затериваются, не опускаются в экономическом отношении, а умеют найти себе выгодную работу; значительное число управляющих помещичьими имениями в России состояло из латышей; много из них опытных ремесленников, мастеров на фабриках и т. д. Вообще, в России латыши являются представителями, главным образом, квалифицированного труда и в этом отношении занимают чуть-ли не первое место после немцев.

Политическая жизнь латышей в течение довольно продолжительного времени сводилась почти целиком к борьбе с немцами за свои национальные интересы. Борьба эта велась с большою настойчивостью, и по мере того, как латыши крепли в культурном и хозяйственном отношении, они добивались все больших успехов. В ходе этой борьбы, давшей латышам хорошие навыки к политической деятельности, латышские национальные партии постепенно преобразовались и на смену узко националистическим и консервативным течениям стали все более выдвигаться партии, хотя и сохранявшие буржуазный характер, но выставлявшие более широкие, прогрессивные и демократические программы, сближавшияся с программами общерусских прогрессивных партий. А на ряду с этим возникло среди латышей и сильное рабочее движение, приведшее к образованию латышских социалистических партий, в настоящее время уже достаточно окрепших и играющих видную роль.

Литовцы в течение некоторого времени составляли самостоятельное княжество, объединившее под своей властью много русских земель. Потом это княжество соединилось с Польшей, и дальнейшее культурное развитие литовцев шло под очень сильным польским влиянием. Они приняли католичество, а высшие круги литовского общества усвоили польскую культуру. Литовское дворянство сплошь ополячилось и то же, хотя с некоторыми оговорками,

можно сказать и про высшее литовское духовенство. Своей буржуазии литовцы до сих пор не имеют, так как торговля и промышленность, вообще не богатые в Литве, сосредоточены в руках евреев. Ремесла и другие городские занятия прививались среди литовцев довольно туго, и громадное большинство народа жило в деревнях, занимаясь исключительно земледельческим трудом. Таким образом и получилось, что единственным хранителем национальной самобытности явилась среди литовцев крестьянская масса, поддерживаемая низшим духовенством и идущим с ним рука в руку сельским учительством.

Духовенство среди литовцев, как и у других католических народов, пользуется очень большим влиянием, и это сильно сказывается как на литовской литературе, так и на литовских политических партиях. Литовская литература вообще не богата и за 350 лет с 1553 по 1903 г., на литовском языке вышло всего 2,665 книг и брошюр, считая и повторные издания. Это число и вообще не велико, а, кроме того, тут очень много элементарных учебников, календарей, различных изданий священного писания, богослужебных книг и т. д., и т. д., так что на настоящие литературные и научные произведения приходится очень немного названий. Бедность литовской литературы объясняется с одной стороны бедностью самого народа, его составом почти исключительно из одной — крестьянской массы, а с другой стороны державшимся в течение 40 лет запретом печатать книги литовской азбукой. Даже такие невинные издания, как молитвенники, литовцам приходилось печатать за границей и потом тайком, контрабандным путем провозить их в Россию. Это, конечно, не могло не отразиться и на количестве, и на качестве книг, печатавшихся на литовском языке. И вот на этой небогатой вообще литературе очень сильно отразился тот факт, что главное руководство духовной и культурной жизнью народа сосредоточилось в руках духовенства. Влияние последнего сказывается не только в относительном обилии книг религиозного содержания, но и в том освещении, которое получают в литовской литературе различные во-

просы общественной и политической жизни. На ней ясно можно видеть клерикальный отпечаток.

Тот же отпечаток можно видеть и на литовских политических партиях. Литовский национализм довольно силен, но имеет своеобразную окраску. Первоначально он был направлен, главным образом, против русских, являясь ответом на преследования католической религии и литовской азбуки, но за последние годы он сильно осложнился и борьбою с поляками и польским духовенством из-за церковных дел. Как в том, так и в другом случае во главе националистического движения среди литовцев шло духовенство, и, таким образом, получилось, что в отличие от буржуазного национализма латышей или демократического национализма малороссов литовский демократизм имеет клерикальный характер довольно консервативного уклона. Настоящих буржуазных партий среди литовцев нет, а социалистические партии, хотя и имеются, но довольно слабы; это, впрочем, естественно при слабом промышленном развитии населенного литовцами края.

Крупную роль в жизни литовцев играет эмиграция в Америку, и с течением времени заокеанские литовцы приобретают все большее значение в руководстве духовною жизнью народа. Идущие из Америки влияния уже менее зависимы от церковных стремлений, чем литература, создаваемая на месте.

Жмудины по своему культурному облику в общем стоят довольно близко к литовцам.

Германские народы.

Из народов германского происхождения заметно представлены в России одни немцы, число которых, по данным переписи 1897 г., равнялось 1790 тыс. Их можно разбить на три разряда: немцев, живущих в Прибалтийских губерниях, немцев-колонистов в Поволжье и некоторых южных и юго-западных губерниях и немцев, живущих рассеянно в остальных местностях России.

В прибалтийских губерниях немцы очень немногочисленны. Всего в этих трех губерниях их жило в 1897 г. около 166 тыс., т.-е. меньше, чем в одной Самарской (224 тыс.), Волынской (171 тыс.) или Саратовской (167 тыс.). В Курляндской и Лифляндской губ. они составляли 7,6% всего населения, а в Эстляндской даже только 3,9%, и, следовательно, считать эти губернии немецкими еще менее оснований, чем считать немецкою Самарскую губ., где немцы составляют 8,2% населения, или чем считать еврейскими ряд западных губерний, где евреи составляют свыше 10% всего населения. И, тем не менее, несмотря на свою малочисленность, немцы в течение долгого времени были господствующею, в самом буквальном смысле этого слова, народностью Прибалтийского края. В их руках было сосредоточено все крупное землевладение, вся торговля и промышленность; они были полновластными хозяевами в органах местного самоуправления, из их рядов вербовались чины местной администрации, и, наконец, они пользовались симпатиями и прямой поддержкой центрального правительства. Если к этому прибавить их высокую культуру, их навыки в общественной деятельности, их преданность своим национальным интересам и их сплоченность, то понятно будет, что борьба с ними, начатая латышами и эстами, не могла быть легкой. И, действительно, борьба эта еще далеко не закончена, и, несмотря на все сделанные латышами и эстами завоевания, немцы все еще сохраняют в Прибалтийском крае исключительно влиятельное положение, далеко не соответствующее их незначительной численности.

Немецкие колонии имеются в большом числе в Среднем Поволжье и в некоторых южных и юго-западных губерниях. В Поволжье немцев-колонистов почти 400 тыс.; особенно многочисленны они в Новоузенском и Николаевском у.у. Самарской губ. и в Камышинском у. Саратовской губ.; в меньшем числе колонии имеются в Самарском у. Самарской губ.; в Саратовском, Аткарском и Царицинском у.у. Саратовской губ. и Астраханском и Царевском у.у. Астраханской губернии. Из других губерний боль-

шие немецкие колонии имеются в Волынской губернии (главным образом, в Житомирском, Новоград-Волынском, Луцком, Ровенском и Владимиро-Волынском у.у.), в Бессарабии, (Аккерманский у.), в Херсонской губ (Одесский, Тираспольский, Херсонский у.у.), в Екатеринославской губ. (почти во всех уездах), в Таврической губ. (преимущественно в Бердянском, Мелитопольском и Перекопском у.у.), в Таганрогском округе Области Войска Донского, в некоторых местностях Царства Польского и т. д., и т. д. Небольшие немецкие колонии можно встретить даже в таких губерниях, как Воронежская, где в Острогожском у. имеется особая Рибенсдорфская волость, заселенная немцами. Немцы-колонисты занимались преимущественно земледелием, обеспечены землей они были очень хорошо и земледелие у них действительно процветало. Они пользовались самоуправлением, держались обособленно от остального населения, стойко охраняли свои национальные интересы, оставались верными своему языку и религии, сохраняли духовные связи с Германией и, вообще, во всех отношениях считали себя самыми настоящими немцами. В 1914 г. правительством был принят под влиянием войны ряд мер, направленных к ликвидации немецкого землевладения, но точных сведений о результатах этих мер пока не имеется.

Наконец, масса немцев рассеяна по всем губерниям Европейской России, Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средней Азии преимущественно по городам. Здесь они занимаются всеми видами городского труда, но все-таки труда квалифицированного. Среди них много чиновников, представителей интеллигентных профессий, торговцев и промышленников, ремесленников и мастеров и т. д., и т. д. Часть этих немцев обрусела и сохранила только немецкие фамилии, но многие из них вполне сохранили все свои национальные особенности и верность своим национальным интересам. В общем они немногочисленны, но являются очень влиятельной группой населения, и даже в Москве, где число их сравнительно не так уже велико (в 1897 г. около 18 тыс.), их голос имел не маловажное значение при выборах в Государственную Думу.

Из других германских народов в качестве постоянных и коренных жителей в России имеется небольшое число шведов в Прибалтийском крае; по своей малочисленности они роли не играют.

Молдаване, греки и цыгане.

Из народностей романской ветви помимо немногочисленных французов, итальянцев и испанцев, в России живет много молдаван. Главная масса их сосредоточена в Бессарабии, где они составляют преобладающую по численности народность, составляя 48,1% всего населения; в Кишиневском, Белецком, Оргеевском и Сорокском уездах они располагают абсолютным большинством, в Бендерском и Измаильском—относительным, в остальных — уступают по численности другим народам. Много молдаван живет также в Херсонской губ.; особенно в Тираспольском, Елисаветградском и Ананьевском у.у., меньше в Одесском и Херсонском, а также в Балтском и Ольгопольском у.у. Подольской губ. и в Бахмутском у. Екатеринославской г. В других губерниях число их ничтожно и они являются здесь случайным пришлым элементом. Общая численность их в 1897 году достигала 1,122 тыс.

В этнографическом и культурном отношении русские молдаване тесно связаны со всеми соплеменниками, живущими в Румынии. У них есть своя литература, своя интеллигенция, они живут культурной жизнью европейских народов, но национальное чувство развито у них сравнительно слабо и, несмотря на их недавнее присоединение к России (после войны 1877—1878гг.), среди них не наблюдалось сколько-нибудь сильного националистического движения и стремления к отделению от России. Такое стремление проявилось лишь теперь, во время революции, но насколько оно сильно и прочно, трудно судить.

Греков в России было в 1897 году 187 тыс.; более половины их жило на Кавказе, преимущественно в запад-

ной его части; затем, сравнительно многочисленные греческие колонии имелись в Екатеринославской губ. (Мариупольский у.), Таврической (преимущественно в Крыму), в Одессе, в Бессарабии, в Области Войска Донского; в остальных губерниях число их было ничтожно. Греки живут, главным образом, в городах и занимаются торговлей, ремеслами, мореходством; в политической жизни с самостоятельными национальными требованиями они не выступают.

Число цыган в Росси около 50 тыс.; они рассеяны маленькими группами почти повсеместно и нигде не играют поэтому никакой роли ни в общественной, ни в политической жизни.

Чтобы покончить с народами индо-европейской семьи, нам остается упомянуть еще про таджиков. Этот народ принадлежит к иранской ветви, очень многочисленной и представленной в России многими племенами. Наибольшая часть этих племен живет на Кавказе и потому о них речь будет дальше, когда придется говорить о Кавказе. Таджики же живут в Средней Азии и о них приходится сказать несколько слов теперь. Численность их была в 1897 году около 350 тыс.; жили они во всех уездах Самаркандской области, при чем в Ходжентском уезде составляли абсолютное большинство населения, и в Наманганском, Кокандском и Маргеланском уездах, Ферганской области. Они ведут оседлый образ жизни, занимаются земледелием и торговлей, по вероисповеданию—мусульмане.

Евреи.

Большая семитическая семья народов представлена в России почти исключительно одними евреями. Численность их в России была несколько больше 5 милл., так что в этом отношении они уступали только великороссам, малороссам, полякам и белоруссам и превосходили все прочие народы. Но эти 5 милл. были рассеяны по всей России и не было ни

одного уезда, где евреи составляли хотя бы относительное большинство населения. Гуще всего они жили в Царстве Польском, где они местами достигали до 15% всего населения; в наших западных и юго-западных губерниях они составляли около 10% населения, а чем дальше к востоку, тем численность их становилась все меньше. Сосредоточение их преимущественно в западных губерниях отчасти объясняется естественными причинами, тем, что они пришли к нам с запада, из Польши, отчасти же было создано искусственно, установлением так-называемой черты оседлости, вне пределов которой могли селиться только некоторые, очень немногочисленные разряды евреев. В 1915 г. под влиянием беженческого движения черта оседлости фактически была отменена, а революция 1917 г. отменила ее и формально; но о теперешнем распределении евреев по отдельным губерниям России нет сколько-нибудь точных сведений.

Евреи представляют почти исключительно городской элемент населения и в целом ряде губерний (Витебская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилевская) они составляли абсолютное большинство всего городского населения. В великорусских губерниях они занимаются почти исключительно торговлей, ремеслами и разного вида интеллигентным трудом, но в западных губерниях, где они многочисленнее, там естественно и род занятий их отличается большим разнообразием. Там среди евреев можно встретить много фабричных рабочих, чернорабочих, извозчиков, прислуги и т. д., и т. д. Только к земледельческому труду они определенно не питают склонности, и число земледельцев среди них ничтожно. Нет среди евреев и чиновников, но это объясняется тем, что государственная служба была для них закрыта.

Древний еврейский язык вышел из употребления, и попытки возродить его не имели успеха. Русские евреи говорят между собою на так называемом жаргоне, т.-е. испорченном немецком языке с большою примесью польских и русских слов. В других странах евреи говорят либо на том же жаргоне, либо на языке господствующей народно-

сти в данном государстве. Да и в России большинство евреев кроме жаргона свободно владеет и русским языком. Но утрата собственного языка не помешала евреям сохранить свое национальное единство и вместе с тем свою национальную обособленность; их сплачивает религия. Почти во всех европейских странах евреи были гонимой народностью, при чем во многих государствах эти гонения продержались до наших дней, и вот разного рода преследования закалили национальный характер евреев, придали им такую сплоченность и единство, какой может позавидовать всякий другой народ. Интеллигентное еврейство в сущности относится довольно безразлично к религиозным вопросам, но и оно во имя национальной солидарности не признавало для себя возможным отрекаться от веры отцов и покупать такою ценою избавление от разного рода преследований и ограничений. Что же касается до более консервативных слоев еврейской массы, то они под влиянием тех же преслеодваний все более объединялись под знаменем своей религии и с своей стороны проявляли все большую отчужденность или даже нетерпимость к иноверцам.

Исключительное положение, занимаемое евреями, наложило свой отпечаток на всю их политическую жизнь. Среди них очень сильны националистические течения, но эти течения в виду рассеянности еврейства по всей стране и в виду отсутствия хотя бы маленькой области, которую можно было бы назвать еврейской, вынуждены искать решения национальной задачи иными путями, чем ее решают для себя другие народности, т.-е. вынуждены отказаться от требования территориальной автономии. Взамен того среди евреев возникло два течения, одно—стремящееся к массовому переселению евреев в Палестину (сионисты) и воссозданию там еврейского государства, другое—ставящее себе целью установление так называемой персональной автономии, т.-е. образования не связанных с территорией национальных союзов, выполняющих некоторые функции государственной власти. Националистический характер носят и те еврейские партии, которые выдвигают

не одни еврейские, а общегосударственные программы; так еврейская социал.-демократия выделилась в особую партию («бунд») и ведет обособленную от обще-русской соц.-демократии деятельность. Но на ряду с этим многие евреи принимают самое живое участие и в деятельности обще-русских партий, и среди вождей всех этих партий, начиная от к.-д. и кончая большевиками, можно было бы указать много евреев. То же самое можно отметить и в области литературы и журналистики; с одной стороны, попытки возродить древне-еврейский язык в качестве литературного и довольно обширная литература на жаргоне, а с другой,—самое деятельное участие в обще-русской литературе и журналистике. Известную двойственность можно наблюдать и на просвещении евреев. Более зажиточные евреи стремятся отдавать детей в обще-русские средние и высшие школы, а в то же время в западных губерниях дети еврейской бедноты вынуждены были довольствоваться маленькими школами при синагоге, где преподавание носило чисто духовный характер и сводилось преимущественно к мертвенному заучиванию библии и талмуда. Во всяком случае, благодаря своей многочисленности и сплоченности и благодаря своему богатству материальными средствами и интеллигентными силами, евреи представляют очень крупную величину в политической жизни России.

Евреи не являются вполне однородной величиной, и из среды их выделяется несколько обособленных групп. Наиболее значительной из них являются караимы, отличающиеся от обыкновенных евреев тем, что они признают только священное писание, но не священное предание, т.-е. талмуд. Правовое положение караимов в России было иное, чем положение обыкновенных евреев, и налагаемые на последних ограничения в правах на караимов не распространяются. Живут караимы, главным образом, в Крыму, где они говорят татарским языком, меньше их в Литве; занимаются они торговлей.

Другой обособленной группой являются так называемые крымчаки, т.-е. евреи, живущие в Крыму и пришедшие сюда не недавно из России, а раньше с Кав-

каза, может быть из Италии. Они—талмудисты, но говорят по-татарски. Число их около 1,500 семейств.

О третьей обособленной группе евреев, о кавказских евреях—горцах речь будет ниже.

Урало-алтайская семья народов.

Обширная урало-алтайская семья народов называется так потому, что первоначальной родиной их считается подножье Алтайских гор в Сибири, а затем племена этой семьи при своем переселении в Европу задержались на долгое время у Уральских гор. Народы этой семьи очень многочисленны и в настоящее время имеют между собою мало общего одинаково и в хозяйственном быту, и в верованиях, и в степени образованности. Тут есть горожане, пользующиеся всеми благами высоко-развитой европейской культуры, есть и бродячие охотники, не имеющие постоянного места жительства, а кочующие по пустыням Сибири, нагрузив свои немногочисленные пожитки на вьючных оленей. Среди урало-алтайских народов есть христиане, магометане, буддисты, а некоторая часть их и поныне остается язычниками. На некоторых из урало-алтайских языках печатаются многочисленные книги, издаются газеты, другие языки этой семьи не имеют никакой литературы. Наконец, что касается физического типа, то и в этом отношении народы урало-алтайской семьи представляют чрезвычайно большое разнообразие. Таким образом, объединение всех народов этой семьи именно в одну семью основано исключительно на родстве языков, которыми говорят данные народы, причем однако и степень этого родства не одинакова между всеми народами. Одни из них стоят по языку ближе друг к другу, чем к остальным, и это обстоятельство позволяет разделить все народы урало-алтайской семьи на пять ветвей: финно-угорскую, самоедскую, тунгусскую, монгольскую и тюркскую.

Финские племена.

В настоящее время народы финского племени помимо Финляндии живут частью в губерниях, граничащих с Финляндией или прилегающих к Балтийскому морю, частью на северо-востоке Европейской России (в губерниях Вологодской, Пермской, Вятской) и в среднем Поволжье. Но прежде финские народы занимали гораздо более обширную область, чем теперь. На это есть прямые указания в наших летописях и в других письменных памятниках прошлого, а еще больше таких указаний сохранилось в названиях рек, озер, деревень и разного рода урочищ. Теперь нередко в местности, населенной сплошь великорусским племенем, можно встретить названия рек или деревень, звучащие совершенно не по-русски, не имеющие на русском языке никакого смысла. И вот на проверку часто оказывается, что эти непонятные для нас названия, легко объясняются из какого-нибудь финского языка, имеют на этом языке вполне определенное значение, соответствующее тому предмету, которому они приданы. Так, напр., название «Москва» совершенно необъяснимо из русского языка, но легко объяснимо из зырянского или пермяцкого и значит в переводе на русский «Коровья река». Пермяки занимают в настоящее время небольшое пространство около 300 квадратных миль, но пермяцкими названиями рек и селений покрыта обширная площадь в 2,500 квадратных миль. В Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской губерниях часто можно встретить названия рек, оканчивающиеся на «лей»; это—мордовские названия, так как по-мордовски «лей» значит «река». Там же не менее часто можно встретить названия деревень, оканчивающиеся на «веле», «вель», «виль»; это—опять-таки мордовские названия и «веле» по-мордовски значит «деревня». Так как само собою разумеется, что русские не стали бы сами давать рекам, деревням, горам мордовские или пермяцкие названия, то, встречая такие названия в

местностях, заселенных теперь русскими, мы в праве думать, что раньше русских здесь жили финские племена, от которых русские и заимствовали географические названия. Вот на основании таких данных и можно полагать, что в прежние времена финские народы занимали гораздо большее пространство, чем теперь, а именно большую часть северной половины России, и что лишь постепенно они были оттеснены русскими на окраины. Оттеснение это шло отчасти насильственным путем, и история сохранила не мало воспоминаний о кровавых схватках между русскими и мордвою или черемисами, но еще бòльшую роль играло тут мирное переселение русских на восток и север. Финские племена частью отступали под давлением русских, но нередко и оставались на месте, сливаясь с новыми пришельцами, утрачивали свой язык и обычаи и заменяли их русскими. Такое мирное обрусение финских племен можно наблюдать и в настоящее время, раньше же оно шло, пожалуй, еще более быстро, чем ныне, и современное великорусское население многих губерний на самом деле зачастую является потомками обрусевших финских племен.

Из отдельных финских народов наибольшее значение имеют собственно финны, живущие преимущественно в Финляндии, где их насчитывается свыше двух миллионов и где они составляют преобладающее большинство всего населения. Финны—высоко образованный народ, имеющий свои школы, не только низшие и средние, но и высшие, имеющий свою хорошую литературу как художественную, так и научную, многочисленные газеты, и т. д. Они принимают деятельное участие в политической жизни своей небольшой страны и имеют свои хорошо организованные политические партии. Национальное чувство в них сильно развито: они глубоко преданы своей стране и своему народу и проявили много настойчивости и выдержки в отстаивании своих политических прав от покушений со стороны старого русского правительства. В хозяйственном отношении они тоже сделали очень многое; их земледелию поставлены довольно узкие рамки неблагоприят-

ными климатическими и почвенными условиями их страны, но в этих рамках они достигли высокого совершенства. Равным образом и их фабричная промышленность должна быть поставлена очень высоко, если принять во внимание бедность Финляндии всякого рода естественными богатствами. В общем итоге финны—народ уже европейского уклада жизни, но это не мешает ему глубоко любить свое прошлое и бережно собирать и сохранять остатки прежней жизни. Финские ученые уделяют очень много внимания изучению народной жизни не только своего собственного народа, но и родственных ему племен, устраивают для этой цели особые музеи, издают журналы, и т. д.

Кроме Финляндии, финны живут также в пограничных с нею русских губерниях; небольшое число их имеется в губерниях: Архангельской, Олонецкой, и Псковской, более же заметную величину они представляют в Петроградской губернии, где их в 1897 г. насчитывалось 130 тыс. в уездах: Петроградском, Царскосельском, Шлиссельбургском, Петергофском и Ямбургском. В просторечии эти финны известны под именем «чухонцев», но надо однако иметь в виду, что название «чухонцы» прилагается в Петроградской губернии не только к собственно финнам, но и к другим народам финнского происхождения.

Очень близко родственны собственно финнам карелы. По языку их почти что и нельзя считать за самостоятельный народ, потому что карельский язык представляет просто одно из наречий собственно финнского языка, в котором насчитывается до пяти наречий, наиболее восточным из которых является карельское. При такой близости по языку в других отношениях между финнами и карелами имеются однако существенные различия. Финны — лютеране, карелы же — православные. Далее у финнов уклад жизни носит городской характер, а у карелов—деревенский. Карелы не имеют своей литературы, не привыкли жить политической жизнью, и национальное чувство у них слабо развито. За последнее время финны прилагали большие усилия к тому, чтобы пробудить это чувство среди карелов и упрочить их духовные

связи с Финляндией; с этою целью среди карелов велась пропаганда лютеранства, устраивались особые школы, распространялась финская литература и т. д., но больших результатов эта пропаганда не дала. Пробуждению национального самосознания среди карелов мешает, между прочим, и то обстоятельство, что они при небольшой численности рассеяны на очень большом пространстве и живут в перемешку с русскими. В 1897 г. их всего насчитывалось около 204 тысяч, из которых около 20 тыс. приходилось на Архангельскую губернию (Кемский уезд и немного в Кольском), около 60,000 на Олонецкую (уу.: Петрозаводский, Олонецкий и Повенецкий), 7.000 на Новгородскую губ. (Валдайский и Тихвинский уу.) и 117.00 на Тверскую губернию (уу.: Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Новоторжский; немного также и в Зубцовском). Раньше карельские поселения простирались еще далее к югу, и сохранились прямые указания на то, что такие поселения были в Медынском уезде Калужской губернии и в Моршанском уезде Тамбовской губ. Но и в том, и в другом уезде карелы не были коренными жителями края, а были переселены сюда в сравнительно позднее время помещиками. Теперь эти карелы совершенно обрусели и не сохранили своего языка. Довольно быстро идет обрусение и среди тверских карел, оторванных от других финских племен и рассеянных неособенно большими островками среди великоруссов. На севере карелы живут более сплошной массой и в некоторых уездах составляют большинство всего населения; так, в Олонецком у. они составляют $71^0/_0$ всего населения, в Кемском—$54^0/_0$, в Повенецком—$49{,}7^0/_0$. Соответственно этому, здесь они лучше сохраняют свои национальные особенности. В хозяйственном отношении карелы мало чем отличаются от соседних русских и подобно последним занимаются, смотря по местности, земледелием, охотой, разного рода промыслами.

В Новгородской и Олонецкой губерниях (уезды: Белозерский, Тихвинский, Петрозаводский, Лодейнопольский) живет еще одно небольшое финское племя Чудь,

иначе называемая весь или вепс, а в Новгородской губернии известное также под именем чухарей или кайванов. Общая численность этого племени всего 25,000 человек. Они живут несколькими обособленными группами, сильно смешались с русскими и в значительной степени обрусели; пройдет еще немного времени и они окончательно растворятся среди окружающего русского населения. Если это не случилось раньше, то причиной тому то обстоятельство, что чухари живут в таких местах, которые из-за болот недоступны в течение значительной части года. Живут чухари очень бедно, с трудом добывают себе пропитание, своих школ не имеют.

Еще меньше по численности Ижорцы, живущие в Петергофском и Ямбургском уездах Петроградской губернии. В 1897 г. их насчитывалось всего 13,000 человек, и они быстро утрачивают свои особенности.

Гораздо большее значение имеют эсты. Они являются одним из самых крупных по численности финских племен, и по переписи 1897 г. их было немного менее миллиона (978 тыс.). Живут они не рассеяно, подобно многим другим финским племенам, а одной сплошной массой. Населенная ими область охватывает всю Эстляндскую губернию, где они составляют 88,7% всего населения, пять северных уездов Лифляндской губернии (Верроский, Перновский, Феллинский, Эзельский и Юрьевский, причем ни в одном из этих уездов их численность не спускается ниже 87%, а в Феллинском достигает свыше 97%), пограничные с Эстляндской губернией волости Ямбургского и Гдовского уездов Петроградской губернии и северо-западный угол Псковского уезда, где эсты известны под именем сетукезов или полуверцев. Кроме того, эсты живут в Валкском, Вольмарском и Рижском уездах Лифляндской губернии, в Петроградском, Лужском, Петергофском, Царскосельском и Шлиссельбургском уездах Петроградской губернии, в Торопецком и Холмском уездах Псковской губернии и в Демянском и Крестецком уездах Новгородской губернии. Но во всех этих уездах эсты составляют незначительное меньшинство населения и окружены здесь со всех

сторон народами иного происхождения. Небольшие же эстонские поселения имеются и во многих других губерниях. Так перепись 1897 г. отметила более $1^1/_2$ тыс. эстов в Тюкалинском уезде Тобольской губернии, немного меньше тысячи в Перекопском у. Таврической губ. и т. д. В общем итоге свыше 900 тыс. эстов живут одной сплошной массой, в области, где они составляют решительное большинство всего населения и тысяч 60-70 их рассеяно по другим местностям.

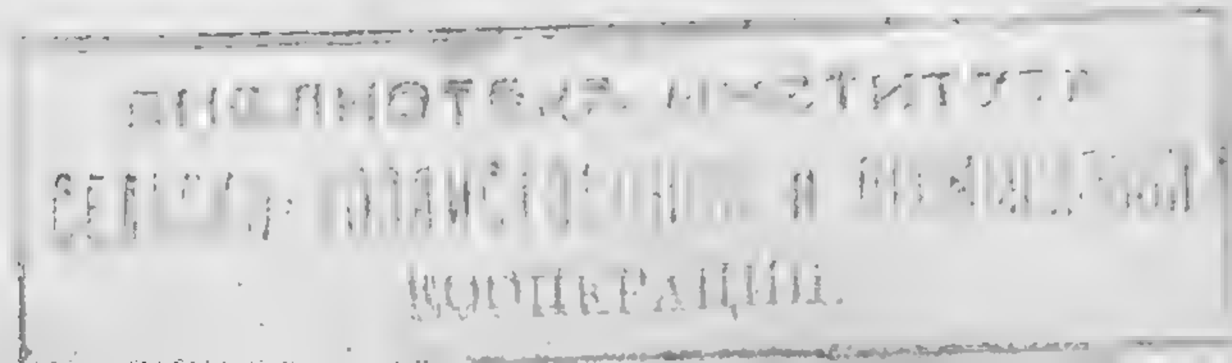
Лет сто тому назад эсты были народом, способным заинтересовать лишь ученого сохранившимися у них старинными верованиями и обрядами, но лишенным какого либо значения в политическом отношении. Господство в населенном ими крае принадлежало немцам; в руках последних было все землевладение, торговля и промышленность; в руках немцев же было все местное управление и самоуправление; немецкий язык был господствующим во всех прибалтийских губерниях. А эсты представляли в то время рабочую массу, работавшую на немецких помещиков или занимавшуюся местами самостоятельно рыболовством, одинаково при этом невежественную и темную. Ни эстонской школы, ни эстонской литературы в то время не существовало, и национальное чувство эстов спало глубоким сном. Но за протекшие с тех пор десятилетия многое в жизни эстов изменилось почти до неузнаваемости. Пробудилось национальное самосознание, появилось сильное стремление к знанию и просвещению, а вместе с тем к более влиятельной роли в хозяйственной и политической жизни края. На всех этих путях эсты встретили сильные препятствия со стороны немцев, старавшихся всячески затормозить просветительную работу среди эстов, а потом эстам пришлось выдерживать борьбу и с русскими властями, мало сочувствовавшими пробуждению национального самосознания среди эстов. Эстам однако удалось преодолеть все препятствия на пути их развития, в настоящее время они уже являются народом, образованным по европейски: у них есть своя школа, своя литература, свой театр, на эстонском языке совершается богослужение (гро-

мадное большинство эстов—лютеране), читаются лекции, издаются газеты и т. д. Среди эстов много лиц интеллигентных профессий: врачей, адвокатов, учителей, пасторов, которые не порывают со своим народом, а наоборот всячески стараются укрепить его национальное чувство. Есть у эстов и свои политические партии, принимавшие деятельное участие в выборах в Госуд. Думу и Учред. Собрание. В местном самоуправлении эсты постепенно приобретали все большее значение, но преобладающая роль здесь все-таки сохранялась до революции за немцами вследствие недостатков избирательного закона. В хозяйственном отношении эсты тоже сумели значительно упрочить свое положение, но крупных помещиков, фабрикантов или торговцев среди них очень мало, и эстонская буржуазия состоит преимущественно из лиц интеллигентных профессий, богатых ремесленников, мелких торговцев и промышленников.

В общем итоге из всех финских народов эсты уступают по своей образованности одним лишь финнам Финляндии и имеют все данные для дальнейшего развития своей эстонской культуры. Их теперешнее культурное и политическое развитие, их сравнительная многочисленность и заселение ими одной сплошной области, все это дает эстам возможность с верою глядеть на свое будущее. В революционное время среди эстов стало наблюдаться стремление к отделению от России и к превращению в самостоятельное государство, но насколько сильно это стремление, судить пока трудно.

Кроме эстов в прибалтийском крае раньше жили и другие финские народы: ливы и кревинги, причем ливы были настолько многочисленны, что дали свои имена целой провинции Лифляндии. Но в настоящее время эти народы угасли; они утратили свой язык, позабыли свою культуру и слились с окружающими их латышами.

Особняком среди других финских народов, живущих в северо-западной России, стоят **лопари**. Это—очень маленькое племя. В России число лопарей по переписи 1897 г. было всего 1738 человек, живущих в Кольском

уезде Архангельской губернии; несколько большее число их живет в Финляндии и Норвегии; всего их около 20,000. От других финских племен лопари сильно отличаются не только по языку, но и во многих иных отношениях. Так они являются самым нискорослым народом в Европе, да и на всем земном шаре не много народов, которые были бы ниже их ростом. Прежде их главным занятием было оленеводство; и если они, может быть, и не первые стали приручать оленей, то, во всяком случае, они сыграли крупную роль в деле передачи этого искусства более восточным народам. Большой интерес представляют также старинные верования лопарей, которые в прежние годы считались могущественными колдунами и внушали суеверный страх своим соседям. Вообще для ученого лопари представляют одно из наиболее интересных финских племен, но в современной жизни они не имеют никакого значения. Их оленеводство находится теперь в полном упадке, и они занимаются частью самостоятельным рыболовством и охотой, частью же служат работниками у русских промышленников. Своих школ они не имеют и быстро утрачивают свою самобытность, принимая русский язык, обычаи и жизненный обиход.

Из финских племен, живущих на востоке, наиболее многочисленным является м о р д в а. По численности они даже превышают эстов, так как по переписи 1897 г. их было немного более миллиона человек. Но, в отличие от эстов мордва не занимает одной сплошной области, а рассеяна небольшими островками по многим губерниям. Не считая отдельных семей и случайных переселенцев, более или менее значительные мордовские поселения имеются в уездах: Спасском, Тетюшском и Чистопольском Казанской губ., в Ардатовском, Арзамасском, Лукояновском и Сергачском Нижегородской губ., в Городищенском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Нижнеломовском, Саранском и Чембарском Пензенской, в Спасском и Темниковском Тамбовской губ., в Симбирском, Алатырском, Ардатовском, Буинском, Корсунском, Курмышском, Сенгилейском и Сызранском Симбирской губ., в Саратов-

ском, Вольском, Кузнецком, Петровском и Хвалынском Саратовской губ., в Самарском, Бугульминском, Бугурусланском, Николаевском, Новоузенском, Ставропольском Самарской губернии, в Уфимском, Белебеевском, Златоустовском, Мензелинском, Стерлитамакском Уфимской губ. и в Оренбургском, Верхнеуральском и Орском Оренбургской; всего в 44 уездах, принадлежащих к 9 различным губерниям. Сверх того многочисленные мордовские переселенцы насчитывались еще в 1897 г. в Азиатской России, а именно в Минусинском уезде Енисейской губ., в Барнаульском и Мариинском уезде Енисейской г., в Кокчетавском у. Акмолинской области и в Кустанайском уезде Тургайской обл. После 1897 г. во время особенно широких переселений в Сибирь в 1906—1911 гг. в Азиатскую Россию переселилось еще большое число мордвы и они составляют теперь там заметную величину.

Таким образом, Мордва раскинулась на таком широком пространстве, как никакое другое племя финского происхождения. Но они не только не занимают сплошь всей этой области, но и не составляют в ней большинства населения; больше того, среди перечисленных выше 44 уездов нет ни одного, где мордва составляла хотя бы относительное большинство населения, не говоря уже про большинство абсолютное. Наиболее плотной массой мордва живет в Спасском у., Тамбовской губ. и в Ардатовском у. Симбирской губ., но в первом из этих уездов она составляет 44% всего населения, а во втором—39; кроме того, в 7 уездах она составляет более 20% всего населения, в 8 уездах—более 10%, а в остальных менее этой цифры. Мордовские поселения образуют, таким образом, многочисленные небольшие островки, окруженные со всех сторон народами другого происхождения, чаще всего русскими. Иногда бывает так, что такой мордовский островок состоит из 10—20 селений, нередко случается, что и одно-два мордовских селения лежат совершенно особняком среди русских деревень. Так во всем Саратовском уезде имеется теперь лишь три мордовских селения, да из них одно расположено чуть не в 50 верстах от двух остальных.

Такая рассеянность мордовского населения является, разумеется, условием крайне неблагоприятным для сохранения мордвою своей национальной самобытности. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что мордва не представляет вполне однородного племени, а состоит из четырех племен. Два из них (каратаи и терюхане) можно сбросить со счетов, как мелкие, тем более, что каратаи отатарились, а терюхане обрусели, но два других— мокша и эрзя почти одинаково велики по численности. Эти два племени настолько разнятся по языку, что мокшанин и эрзянин, если только они происходят не из соседних деревень, уже не могут понимать друг друга и вынуждены для взаимных объяснений прибегать к русскому языку. Если ко всему сказанному прибавить сильно распространенные среди мордвы отхожие промыслы, заставляющие мордву поневоле знакомиться с русским языком и влияние школы с преподаванием на русском языке, то налицо будут все условия, способствующие быстрому обрусению мордвы.

И, действительно, среди мордвы обрусение идет, пожалуй, быстрее, чем среди какого-либо другого народа финского племени, и можно указать целый ряд мордовских деревень, которые обрусели, так сказать, на глазах наших современников. Да и там, где мордва еще сохранилась, она отличается от окружающего русского крестьянства лишь языком, костюмом и некоторыми обрядами и обычаями, общий же уклад ее жизни уже ничем не отличается от русского. Вся масса мордовского населения живет обычным крестьянским трудом. У мордвы нет своей интеллигенции, потому что те мордвины, которые попадают в среднюю и высшую школу, уже отрываются от своего народа и живут обще-русскою культурною жизнью. Нет у мордвы и своей буржуазии, конечно, есть отдельные разбогатевшие мордовские семьи, есть даже дворянские фамилии мордовского происхождения, но и эти выходцы из мордвы отрываются от своего народа. Таким образом, мордве, несмотря на ее многочисленность, очень трудно сохранять свою самобытность, и ее роль, как

национального целого, в политической жизни России очень незначительна.

Черемисы по численности значительно уступают мордве. По переписи 1897 года их насчитывалось 372 тыс., при чем они тоже сильно разбросаны. Больше всего черемисов в Вятской губ. (в уездах: Уржумском, Яранском, Малмыжском и Елабужском) и в Казанской губ. (в у.у. Царевококшайском, Козьмодемьянском, Чебоксарском, Казанском и Мамадыжском); меньшее число их живет в Костромской губ. (Ветлужский у.), Нижегородской (Васильский и Макарьевский уу.), Пермской (Красноуфимский у.) и Уфимской губ. (Бирский, Белебеевский и Уфимский уезды). В Царевококшайском уезде черемисы составляют большинство всего населения (54,7%), во всех остальных—они далеко уступают по численности русским, а иногда и другим народам. Восточные черемисы, живущие в Пермской и Уфимской губ., несколько обособлены от западных, а среди последних в свою очередь различаются луговые черемисы, живущие на левом берегу Волги, и горные—на правом берегу. По языку черемисы различных местностей настолько отличаются, что не всегда могут понимать друг друга и иногда бывают вынуждены для взаимных объяснений прибегать к русскому языку. Есть немногие школы, где преподавание ведется на черемисском языке, но литература на этом языке исчерпывается немногими переводами богослужебных книг. Своей интеллигенции и своей буржуазии черемисы не имеют. В общем однако они менее поддаются обрусению, чем мордва. Объясняется это с одной стороны их большею культурною отсталостью по сравнению с мордвой и большей сохранностью у них старинных форм быта, а с другой—более развитою религиозною жизнью черемис. За последние десятилетия среди них наблюдались попытки облагородить старинные языческие верования черемис, придать этим верованиям более возвышенный и нравственный характер, заменить кровавые жертвы бескровными и т. д. Попытки этого рода, идущие из народных низов, свидетельствуют о духовной работе среди племени и помогают ему сохранять

свою самобытность. У восточных черемисов обрусение сильно задерживается влиянием мусульманства; многие православные черемисы переходят здесь в мусульманство, что усиливает влияние татарской культуры на черемис, бывшее и раньше очень значительным. Большинство черемис и теперь числится православными, но православие не пустило среди них глубоких корней и свелось к простому выполнению обрядов, согласующемуся с сохранением старых языческих религиозных представлений и обрядов. Основное занятие черемисов—земледелие; кустарные и отхожие промыслы развиты среди них сравнительно слабо.

Более сосредоточено к одному месту живут вотяки. В 1897 году их насчитывалось 415 тыс., из которых свыше 370 тыс. приходилось на четыре уезда Вятской губ.: Глазовский, Сарапульский, Малмыжский и Елабужский; но ни в одном из этих уездов они не составляют большинства населения, а везде уступают по численности русским. Меньшее число вотяков живет в Слободском у., Вятской губ., в Мамадышском у., Казанской губ. в Осинском у., Пермской губ., и в Бирском у., Уфимской губ. Вотяки являются одним из наиболее отсталых племен финского происхождения. Их главное, почти исключительное, занятие—земледелие, но оно поставлено у них очень плохо, гораздо хуже, чем у русских крестьян соседних местностей. Вотяцкие деревни, небольшие по размерам и разбросанные часто по глухим лесам, имеют крайне неприветливый вид, постройки плохие, жилье очень грязное, и т. д. Религиозные представления их очень грубы, но неоднократно высказывавшееся против них обвинение в том, что они приносят человеческие жертвы,—обвинение, бывшее даже предметом судебного разбирательства (так называемое мултанское дело), совершенно неосновательно. Надо, однако, иметь в виду, что культурная отсталость вотяков в значительной степени объясняется их забитостью и тем, что они живут в глухих местах. Они способны к просвещению, а за последнее время у них замечается и пробуждение национального самосознания, не принявшего, впрочем, пока достаточно осязательных форм. Недоста-

ток своих интеллигентных сил задерживает духовный рост вотского народа.

Пермяков по переписи 1897 г. насчитывалось 103 тысячи; живут они, главным образом, в Соликамском и Чердынском уу., Пермской губ., а в меньшем числе также в Глазовском и Орловском у.у., Вятской губ.; особенно плотной сплошной массой пермяки живут в Соликамском у.; по обоим берегам реки Инвы и ее притокам. Пермяки—бедный и забитый народ, занимающийся, главным образом, земледелием и охотой. Они быстро подвергаются обрусению и в настоящее время каждый пермяк уже может объясняться с грехом пополам по-русски. Обрусение их зашло чуть ли не дальше еще, чем у мордвы; даже в костюме и обрядах они сохранили мало самобытного. Национальное чувство у них совершенно не развито.

Главная масса зырян живет в Усть-Сысольском и Яренском уу., Вологодской губ. и в Печерском у., Архангельской губ. Во всех трех этих уездах они составляют абсолютное большинство всего населения, а в частности в Усть-Сысольском у. их численность доходит до 92% всего населения; таким образом, эти три уезда можно назвать зырянским краем. Кроме того, в меньшем числе зыряне имеются в Кольском и Мезенском уу. Архангельской губ., в Чердынском у., Пермской губ., в Тюкалинском, Ялуторовском и Березовском уу., Тобольской губ. Общая численность зырян в 1897 году была 144 тыс.

По языку зыряне очень близки к пермякам; настолько близки, что даже является сомнение, можно ли их считать отдельными народами, тем более, что те и другие одинаково называют сами себя »коми«. Но по характеру эти два народа глубоко различны между собою. В противоположность забитым, робким и бездеятельным пермякам зыряне отличаются большею предприимчивостью и энергией. Главные их занятия охота и земледелие, но они с большим успехом занимаются также торговлею, а за последние десятилетия они обратили также большее внимание на оленеводство и прибрали к своим рукам значительную долю оленьих стад, принадлежавших ранее их соседям самоедам,

низведя последних на положение простых пастухов. Зырянские же торговцы широко эксплоатируют тех же самоедов, а местами и русских крестьян. Вообще в хозяйственном отношении зыряне—один из самых крепких и жизнеспособных народов финнского племени, но в национальном отношении они далеко не проявляют такой же стойкости и вместе с пермяками принадлежат к числу наиболее обрусевших финнских племен. Из среды зырян уже вышло не мало лиц, получивших среднее и даже высшее образование, но они не создали своей зырянской интеллигенции.

Есть еще два народа, которые настолько обособлены по языку и в других отношениях от главной массы финнских племен, что многие ученые выделяют их в особую самостоятельную угорскую ветвь урало-алтайской семьи народов. Это—вогулы и остяки, интересные, между прочим, потому, что они по своему происхождению являются ближайшими родственниками венгров или мадьяров, игравших и продолжающих играть крупную роль в исторической жизни средней Европы. В настоящее время кроме близости языка вогулы и остяки не имеют, впрочем, ничего общего с венграми и принадлежат к числу наиболее отсталых племен России.

В о г у л ы живут в Верхотурском у., Пермской губ. и в Тобольском и Туринском уу., Тобольской губ.; общая их численность около 5.000 человек. Занимаются они, главным образом, охотой, но ведут оседлый образ жизни. Часть вогулов сильно обрусела, часть—начала сливаться с остяками.

О с т я к и живут в Тобольском, Березовском и Сургутском уездах, Тобольской губ. по рекам Оби и Иртышу, а также в Нарымском крае, Томской губ. по реке Васъюгану; численность их 19.000 человек; главные занятия—рыболовство, оленеводство и охота; живут они очень бедно и беспощадно эксплоатируются русскими и отчасти зырянскими торговцами и промышленниками; среди них и теперь много язычников, что не мешает впрочем их сильному обрусению.

Этих остяков финского или угорского происхождения отнюдь не надо смешивать с другими остяками. Кроме остяков, живущих по р. Васъюгану, в Нарымском крае живут и другие остяки по рекам Оби, Кети, Парабели и Тыму; эти остяки уже не финнского, а самоедского происхождения; того же самоедского происхождения и так называемые остяцко-самоедские роды, живущие по нижнему течению реки Енисея и его притоку Турухану и по р. Тазу. Наконец, остяки, живущие по среднему течению Енисея и по его притокам и называемые в отличие от других «енисейскими остяками», не имеют по своему происхождению ничего общего ни с финнскими, ни с самоедскими племенами, да и ни с каким другим народом Сибири, а являются, повидимому, остатком более древнего населения северной Азии. Ошибочное применение одного и того же названия к трем народам совершенно различного происхождения объясняется тем, что это название заимствовано русскими у татар, по-татарски же «уштяк» значит: грубый, необразованный человек и является в сущности именем не собственным, а нарицательным.

Общая численность всех финнских племен в России (не считая Финляндии) в 1897 году не много не доходила до $3^1/_2$ милл. человек. Цифра—довольно значительная. Но с другой стороны надо принять во внимание, что эти $3^1/_2$ милл. распадаются на много отдельных племен, неспособных понимать друг друга, раскинутых на большом пространстве и отделенных одно от другого народами много, не финнского происхождения, чаще всего русскими. Большинство финнских племен не имеет своей области, где они составляли бы большинство населения и где была бы сосредоточена большая часть данного племени. Далее большинство этих племен не имеют своих школ, своей литературы, своей интеллигенции и все это чрезвычайно затрудняет для них возможность сохранения национальной самобытности. Обрусение финнских племен идет вперед быстрыми шагами и продвинулось очень далеко. Оно было вызвано не искусственными мерами русского правительства, даже не школой, а явилось следствием более глубоких при-

чии, коренных изменений в хозяйственном быте народов и распада старых форм жизни с их яркими местными особенностями перед все сглаживающим и все уравнивающим влиянием городской культуры. Лишь одни эсты поставлены в более благоприятные условия по сравнению с другими финскими племенами. Их сравнительная многочисленность, расселение их сплошной массой в одной области и наконец уже достигнутая высота культурного развития облегчают для них возможность и в дальнейшем сохранить свою национальную самобытность и сыграть известную роль в политической жизни страны.

Самоедские племена.

Самоедские племена не многочисленны, но занимают обширное пространство. Кроме собственно самоедов или, как их называли иногда прежде, манчелов, к ним принадлежат юраки, упомянутые выше остяки Нарымского края, остяцко-самоедские роды Туруханского края. Все эти племена занимают северные части Мезенского и Печерского уездов Архангельской губ., большую часть Березовского уезда Тобольской губ., северную часть Туруханского края Енисейской губ., и значительную часть Нарымского края Томской губ. Иными словами самая северная часть России на всем протяжении от Мезени до Енисея и даже далее на восток заселена преимущественно самоедами. И тем не менее общая численность всех племен самоедского происхождения достигает всего лишь $15^1/_2$ тысяч; настолько редко население в этом суровом и негостеприимном крае. Сверх того, еще в средине прошлого столетия в пределах Канского округа Енисейской губ. по р.р. Кану, Мане, Пезо и Шимже бродило маленькое племя камачинцы или камасинцы, насчитывавшие всего до 400 человек и говорившие самоедским языком. Это племя интересно как прямое свидетельство более южного происхождения самоедов, постепенно оттесненных на далекий север. При этом странствовании на север камачинцы и отстали от своих родичей и

застряли по пути в Канском округе. Есть данные приписывать самоедское происхождение некоторым еще более южным и восточным инородцам, а именно некоторым племенам Минусинского края, а также карагасам в Нижнеудинском у., но теперь эти народы говорят языками не самоедского, а тюркского происхождения.

Ни об одном народе, пожалуй, не ходило столько выдумок, как о самоедах. Так в старину о них писали, будто они на зиму умирают, а весною оживают, как лягушки. Особенно же долго держалось убеждение, основанное исключительно на непонятном для русских названии самоедов, будто они жестокие людоеды, и не далее, как лет 50 тому назад, вышла в свет одна книга, к которой была приложена картинка, изображающая, как самоедский князь зарезал свою дочь, чтобы угостить ее мясом приехавшего к нему в гости казацкого сотника. На самом деле самоеды столь же мало повинны в людоедстве, как и другие народы, живущие в России.

Основное занятие самоедов—оленеводство и, сообразно этому, большая часть их ведет кочевой образ жизни. Но теперь оленеводство пришло у самоедов в большой упадок, частью из-за болезней оленей, частью из-за того, что самоедские стада захватываются зырянами. Лучше всего сохранилось оленеводство и вообще коренной хозяйственный быт самоедов на полуострове Ямал. Кроме оленеводства большое значение в хозяйственном обиходе самоедов имели рыболовство, и охота, а теперь также служба работниками и пастухами у русских и зырянских промышленников и торговцев. В общем, самоеды довольно стойкий и крепкий в хозяйственном отношении народ, но приверженность к спиртным напиткам и эксплоатация торговцев разрушают их быт. Большинство самоедов числится православными, но по существу остаются язычниками. Самоедских школ нет, самоедской письменности, разумеется, тоже.

Тунгусские племена.

Еще шире раскололись тунгусские племена. Вся восточная Сибирь, начиная от восточных притоков Енисея и до берегов Охотского моря, и до Татарского пролива представляет область, заселенную, главным образом, тунгусскими племенами. Только самая средина этого пространства, область среднего течения реки Лены и ее притока Вилюя, а также более или менее широкая полоса на юге заселена не тунгусами, а другими народностями. Область, заселенная тунгусскими племенами, где они составляют решительное большинство всего населения, значительно превышает по своему пространству всю Европейскую Россию и тем не менее общая численность тунгусских племен достигает всего лишь 76,000—79,000 человек. Объясняется это тем, что они занимают наиболее суровые места Сибири, где может существовать лишь очень редкое население.

Тунгусские племена, живущие в Енисейской, Якутской, Иркутской, Забайкальской, а частью также в Амурской и Приморской области так и известны под именем тунгусов, никакого другого более узкого племенного названия к ним не прилагается. Правда, на северо-востоке занятой тунгусами области их нередко называют ламутами, но это название указывает не на племенные отличия, а просто на местожительство: под ламутами подразумеваются тунгусы, кочующие около моря, и потому один и тот же род именуется то тунгусским, то ламутским в зависимости от места его кочевок. В противоположность этому в юго-восточной части занятой тунгусскими племенами области (в Амурской обл., в южной части Приморской обл., и на Сахалине) эти племена различаются одно от другого особыми названиями, хотя численность этих племен иногда настолько незначительна, что о них с трудом можно говорить как об отдельных народах.

Собственно, тунгусы являются наиболее подвижным народом во всей Сибири. Большая часть их и

теперь ведет бродячий образ жизни, занимаясь, главным образом, охотой и оленеводством, причем в отличие от других оленеводческих племен Сибири (самоедов, чукчей и т. д.) тунгусы разводят не упряжных оленей, а верховых или вьючных. Нагрузив в оленьи вьюки все свои немногочисленные пожитки, вплоть до легких переносных берестяных чумов, в которых они живут, тунгусы отдельными семьями или маленькими родами, совершают самые отдаленные перекочевки в поисках дичи или пушного зверя. Условия существования тунгусов исключительно тяжелы, так как охота слишком неверный промысел и нередко случается, что от голода вымирают целые семьи и даже роды. Но эта тяжелая жизнь не отразилась на их характере; они сохранили живой, общительный нрав, и их за это нередко называют «французами Сибири». Вместе с тем, суровая борьба за существование не заставляет тунгуса замыкаться в узеньком кругу своих личных интересов. Наоборот, несмотря на свою разбросанность по пустынным лесам и тундрам, они всячески поддерживают родственные и племенные связи, внимательно следят за судьбой друг друга, и взаимные поддержка и выручка развиты у них, как ни у какого другого народа. Вообще, по своим нравственным качествам это—один из наиболее симпатичных народов Сибири; нельзя им отказать также в способностях к просвещению и даже, больше того, в известной талантливости; но, к сожалению, все эти хорошие задатки глохнут под влиянием неблагоприятной обстановки. Всякого рода лишения, голодовки и заразные болезни сокращают их численность и тунгусы принадлежат к числу вымирающих племен Сибири. Теперь часть тунгусов перешла к оседлой жизни и занимается рыболовством и перевоской грузов или служит работниками у русских и якутских промышленников или торговцев, но и эти тунгусы лишены сколько нибудь прочного хозяйственного обеспечения. Кроме того такие тунгусы быстро утрачивают свои национальные особенности и подчиняются влиянию своих более сильных соседей, русских и якутов. Большинство тунгусов числится православными, но дальше чисто внешнего выполнения некоторых

обрядов их православие не идет и уживается с сохранением языческих верований и обрядов, известных под именем шаманства. Ни тунгусских школ, ни тем более тунгусской письменности не существует.

Юго-восточная часть тунгусской области заселена, как уже упомянуто, отдельными тунгусскими племенами, различающимися особыми названиями. Племена эти следующие: Ороки живут на восточной части среднего Сахалина, занимаются, главным образом, оленеводством, численность их 750 человек. Орочи живут в Уссурийском крае, главным образом, по берегам Татарского пролива и Великого океана, главные занятия их рыбная ловля и охота, численность $2^1/_2$—3 тысячи; южные орочи, находящиеся под сильным китайским влиянием, известны также под именем тазов или удигэ. Ольчи или мангуны, близко родственные орокам, живут на нижнем Амуре, в окрестностях Софийска и Мариинска и частью перемешаны с гольдами; занятия их рыболовство и охота, а теперь также и подвоска грузов на собаках на пароходы и на железную дорогу; численность их около $1^1/_2$ тыс. Гольды живут на Амуре от окрестностей Хабаровска до Мариинска, на реке Уссури и ее притоках, а сверх того в китайских пределах, по Амуру, Сунгари и Уссури; численность гольдов в русских пределах 5,000 человек, в китайских пределах несколько больше того; основное занятие их рыболовство; по вероисповеданию большинство их православные, часть язычников, немного буддистов. На гольдском языке имеются переводы некоторых богослужебных книг, но, вообще, на гольдской культуре китайское влияние отразилось гораздо сильнее, чём русское. Самагиры живут на Амуре (в перемешку с гольдами) и на его левом притоке Горине и занимаются охотой и рыбной ловлей; численность их 425 человек. Негидальцы живут по р. Амгуни и ее притокам и занимаются преимущественно рыболовством и уже на втором месте охотой; численность их приблизительно одинакова с численностью самагиров. Дауры рассеяны небольшими селениями и отдельными семьями на Амуре в районе Благовещенска, занимаются земледелием и торговлей и находятся под очень

сильным влиянием китайцев; численность их сильно убывает и в 1897 г. не превышала 450 человек; сокращение численности племени объясняется, впрочем, не вымиранием, а обкитаиванием. Манегры живут по обоим берегам Амура выше устья Зеи и по этой последней реке; численность их в пределах России всего лишь 160 человек; занимаются русские манегры охотой, китайские—коневодством. Орочоны живут на Амуре выше манегров и занимаются оленеводством; численность их не велика, но не поддается учету в виду смешения их с собственно тунгусами. Кроме того в средине прошлого века в теперешних пределах России отмечались еще тунгусские племена бирары на Амуре выше и ниже Буреи, кили по р. Куре и солоны. Первые переселились теперь целиком в пределы Китая, вторые переписью 1897 г. совсем не обнаружены и существование их в виде самостоятельного племени подлежит сомнению; солонов же в 1897 г. было в России всего 15 человек; они живут, главным образом, в Китае.

К тунгусским же племенам принадлежат и известные маньчжуры, игравшие такую крупную роль в исторических судьбах Китая. В русских пределах маньчжуров живет очень немного, несколько более 3,000 и к тому же они почти совсем утратили свой национальный характер и окитаились. Это, впрочем, применимо не только к маньчжурам, живущим в России но и ко всей массе их, заселяющей Маньчжурию; маньчжурский язык вымирает и все более уступает место китайскому.

В политической жизни России тунгусские племена не играли до сих пор никакой роли. Их малочисленность, разбросанность маленькими кучками по громадному пространству и отсталость в культурном отношении,—все это заставляет думать, что и в будущем эти племена будут не в состоянии занять более влиятельное положение.

Монгольские племена.

Монгольские племена представляют одну из наиболее значительных ветвей урало-алтайской семьи народов, но главная масса народов этой ветви живет вне пределов России. В России же она представлена небольшим числом монголов, живущих в пограничных местностях Забайкальской области и двумя отдельными племенами: бурятами и калмыками.

Буряты живут в Забайкальской области и в Иркутской губ. В Забайкальской обл. они сосредоточены, главным образом, в Верхнеудинском, Селенгинском, Читинском, Баргузинском и Троицкосавском у.у.; меньшее число их живет в Акшинском у. и совсем незначительное—в Нерчинском. В Иркутской губ. большие массы бурят живут в Балаганском, Иркутском и Верхоленском у.у., некоторое число их имеется и в Нижнеудинском у., в Киренском же у. есть лишь отдельные бурятские семьи. В Селенгинском и Баргузинском у.у. буряты являются господствующей по численности народностью, составляя в 1897 г. в первом уезде 59,7% всего населения, а во втором—44,9%; во всех остальных уездах они уступают по численности русским. Общая численность их по данным переписи 1897 г. была 288 тысяч, из которых на Забайкальскую область приходилось 179 тыс., а на Иркутскую—109 тыс.

Главное исконное занятие бурят было скотоводство, в частности—коневодство, и соответственно этому они вели кочевой образ жизни; местами, особенно на берегах Байкальского озера и на острове Ольхоне, заметную роль в их хозяйстве играла также рыбная ловля, охотой же они занимались только, между прочим, в качестве подсобного промысла. Но по мере того, как русские переселенцы продвигались на восток, количество земель, находившихся в распоряжении бурят, стало сильно сокращаться: особенно чувствительным стало это сокращение со времени постройки Сибирской железной дороги, когда русское правительство стало разверстывать бурятские земли и ограничивать бу-

рятское землепользование определенным наделом. На европейскую мерку этот надел (15 десятин) довольно велик, но для бурят, привыкших к широкому земельному простору, получился слишком крутой переход к новым формам хозяйства. Земледелие и раньше получило у них уже довольно широкое распространение, но они переходили к нему постепенно; теперь же многие буряты были вынуждены спешно приканчивать свои скотоводческие хозяйства и заменять их земледельческими. В общем, однако, буряты выдержали это нелегкое испытание и сохранили хозяйственную самостоятельность, не растеряв своих земель и не поступая массами в работники к представителям других народностей; сохранили они и известную зажиточность.

Хозяйственной стойкости и крепости бурят соответствует такая же стойкость их в культурном и национальном отношении. По вероисповеданию громадное большинство бурят последователи ламаизма, одной из разновидностей буддизма, и подобно прочим буддистам они имеют очень многочисленное духовенство (ламы), живущее частью в особых монастырях (дацанах), частью в обыкновенных селениях в перемешку с мирянами. Эти ламы, предназначаемые к своему занятию обыкновенно с раннего детства, а иногда даже до рождения, получают подготовку в особых школах при дацанах, курс учения в которых продолжается 5—7 лет, и являются носителями особой культуры и науки. Наука эта носит преимущественно богословский характер, но распространяется и на некоторые светские знания, в частности на медицину. Как бы то ни было это обучение создает среди бурят большое количество грамотных и по-своему образованных людей, пользующихся у своих соплеменников большим уважением и влиянием. А своеобразие этой науки и всей вообще ламаитской культуры помогает бурятам сохранять чувство известной обособленности от русских и других окружающих народов. Есть среди бурят и люди, прошедшие русскую школу, но и они большею частью не отрываются от своего народа, а продолжают жить общею с ним жизнью.

В связи с тем, что буряты живут если не одной сплошной массой, то во всяком случае не разбросанно мелкими кучками среди чужих племен, и, в связи с тем, что бурятский язык и бурятская жизнь представляют сравнительно мало разнообразия по отдельным местностям, все это способствует сохранению бурятами своей самобытности и более живому сознанию ими своего племенного единства. И, действительно, от большинства других племен Сибири буряты довольно заметно отличаются своим национальным чувством, сознанием племенной общности и даже известными навыками в решении племенных дел. Свои национальные пожелания они стали выражать уже в 1905 г., а на выборах в Учредит. Собрание 1917 г., они явились одним из немногих народов Сибири, выступивших с национальными программами. Но есть одно обстоятельство очень неблагоприятное для дальнейшего развития бурят в национальном отношении и для получения ими более влиятельного положения в политической жизни Сибири; это—их немногочисленность. Ведь в тех двух губерниях, где они живут, они составляли в 1897 г. лишь 24,3% всего населения и в три с лишком раза уступали по своей численности русским. А после 1897 г. переселение в Сибирь вообще и в Иркутскую и Забайкальскую гг. шло особенно широкою волною и теперь буряты составляют здесь еще меньшую часть всего населения. Да и обрусение, несмотря на их национальную стойкость, все заметнее дает себя знать среди бурят.

К а л м ы к и далеко оторвались от всех своих сородичей и в настоящее время живут со всех сторон окруженные народами совершенно чуждого им происхождения. Главная масса их сосредоточена в так называемой Калмыцкой степи, находящейся в Астраханской губернии преимущественно на правом берегу Волги и выделенной в отношении управления в особую единицу; значительно меньшее число их находится в Астраханском, Енотаевском и Черноярском уу. Астраханской губ., в Сальском и 2-м Донском округах области войска Донского, на так называемой, территории кочующих инородцев Ставропольской

губ. и в Пятигорском у. Терской области; совсем незначительное число калмыков встречается и в Самарской губ. Общая численность калмыков, по данным переписи 1897 г., была около 184 тысяч, но, может быть, эта цифра не совсем точна, потому что научные работы, посвященные калмыкам и вышедшие незадолго до переписи, определяют их численность значительно выше. В занимаемые ими теперь области калмыки переселились с востока сравнительно недавно, в 17-м веке, и были раньше многочисленнее, но в 1771 г. большая часть племени вновь откочевала на восток и удалилась в пределы Китая. До этого времени калмыки управлялись особыми ханами и были почти независимым народом. Они тогда отличались значительною воинственностью и выставляли особые войска на помощь России во время войны. В последний раз особые калмыцкие полки принимали участие в военных действиях во время похода наших войск во Францию в 1814 г.

Прежний быт калмыков имеет много общего с прежним бытом бурят. Как и буряты, калмыки занимались главным образом скотоводством, особенно коневодством; как и буряты, калмыки были верными последователями ламаизма. В некоторых отношениях калмыки были поставлены в лучшие условия для сохранения своей национальной самобытности, чем буряты. С одной стороны, калмыки гораздо дольше сохраняли политическое единство племени и самостоятельных ханов, а с другой,—занятые ими степи менее благоприятны для земледелия и менее соблазняют русского переселенца, чем степи Иркутской губ. и Забайкальской области. Но на самом деле получилось нечто как раз обратное, и хозяйственный быт калмыков и их национальная самобытность испытали над влиянием новых веяний жизни гораздо большие разрушения, чем у бурят. Калмыки как то не сумели приспособиться к новым условиям, к наплыву русских переселенцев, к росту торговли и промышленности. Скотоводство у калмыков пришло в сильный упадок, но и земледелие от этого мало выиграло, и значительная часть калмыков утратила

твердую почву под ногами и превратилась из самостоятельных хозяев в рабочих на рыбных и иных промыслах. Точно также и в духовном отношении. Большинство калмыков до сих пор остаются ламаистами, но все же число христиан среди них относительно значительно больше, чем у бурят, а вместе с тем многочисленное духовенство, сохраняя у калмыков прежнее по внешности почтное положение,—утратило однако в значительной степени былое влияние на духовную жизнь народа, перестало руководить ею. А насколько многочисленно это духовенство можно судить по тому, что тридцать лет тому назад одних штатных лам разного рода было у астраханских калмыков около 1000 человек, т.-е. один штатный лама приходился менее, чем на 200 миряи. Быть может тут сказалась бо́льшая географическая оторванность от своих сородичей по происхождению и бо́льшая задруднительность поддерживать правильные сношения с главными центрами ламаистской культуры, но во всяком случае калмыки в гораздо бо́льшей степени утратили свою национальную самобытность и сознание племенного единства, чем буряты, и обрусение среди них зашло значительно дальше, чем у бурят.

Общая численность всех народов монгольского происхождения в России несколько меньше полумиллиона человек; эта цифра и, вообще говоря, не велика, а кроме того эти народы разбиты на две группы, отстоящие одна от другой на тысячи верст. Это обстоятельство прежде всего должно быть принято во внимание при определении того, какую роль могут сыграть монгольские народы в культурной и политической жизни России.

Тюркские племена.

Наиболее значительной из всех отраслей урало-алтайской семьи является тюркская или турецко-татарская. Она является наиболее крупной по численности, к ней принадлежат некоторые народы, игравшие большую роль в

историческихъ судьбахъ всей Европы, в частности турки-османцы, известные всем просто под именем турков и живущие на Балканском полуострове и в Малой Азии; к этой же ветви принадлежат казанские и крымские татары, продолжительная борьба с которыми занимает такое видное место в истории России. Наконец, большинство тюркских племен объединено принадлежностью к мусульманству, чем особенно скрепляется тесная связь между этими племенами, а потому они представляют больше единства, чем, напр., народы финского происхождения или народы литовско-латышской ветви.

Далеко не все тюркские народы живут в России, но и число их в России очень велико. Они раскинулись на очень широком пространстве. Самые западные представители этого племени живут в Бессарабской и Виленской губ., а самые восточные немного не доходят до берегов Великого океана; на севере крайние поселения тюркских народов приближаются к Ледовитому океану, на юге они спускаются далеко ниже границ России. Конечно на всем этом громадном пространстве живут не одни тюркские народы, но и области, занятые ими одними, или такие, где они составляют преобладающее по численности население, имеют весьма обширное протяжение. В частности наши среднеазиатские владения почти целиком представляют именно такую область, где тюркские народы далеко оставляют за собою по численности все остальные племена.

Для удобства обозрения все тюркские народы, обитающие в пределах России, можно разделить на основании их географического распределения на четыре группы: 1) тюркские народы, живущие в Европейской России; 2) тюркские племена средней Азии; 3) тюркские племена Сибири; 4) тюркские народности Кавказа. При этом кавказские тюркские племена мы отделим от остальных и рассмотрим их особо вместе с другими народами, живущими на Кавказе. Это необходимо сделать для того, чтобы легче можно было разобраться в крайне сложном и запутанном вопросе о составе населения Кавказа.

Большинство тюркских народов, живущих в Европейской России, известны под собирательным именем—татары, к которому, смотря по месту жительства, присоединяется определение: казанские татары, крымские татары, астраханские, касимовские и т. д. Но в общем применение одного и того же названия «татары» к различным народам само по себе еще не предполагает, чтобы между этими народами была особенно большая близость и родство, более тесное, чем с другими народами тюркского происхождения.

Главным образом, татары живут в юго-восточной России, особенно в приволжских и прикамских губерниях. В Нижегородской губ. их немного, 41 тыс. по данным переписи 1897 г., в у.у. Сергачском, Васильском и Княгининском. За то Казанская губ. является главным центром татар: здесь они живут во всех уездах, кроме Козьмодемьянского и Ядринского, особенно же много их в уездах Казанском, Мамадышском, Чистопольском и Тетюшском, причем в Мамадышском у. они составляют абсолютное большинство всего населения (69,4%), а в Тетюшском—относительное (49,1%); всего в Казанской губ. 675½ тыс. татар или почти треть всего населения (31,1%). В Симбирской губ. татарские селения имеются во всех уездах, кроме Алатырского, и численность татар достигает здесь 134 тыс.; в Самарской губ. татар 165 тыс. и татарские селения тоже имеются во всех уездах; в Саратовской губ. татары живут, главным образом, на севере, в уездах Хвалынском, Кузнецком, Петровском, и Вольском; небольшое число их есть, впрочем, и на юге в Царицынском у.; всего татар в Саратовской губ. 95 тыс. В Астраханской губ. татар—53 тыс., главным образом, в Астраханском у., меньше в Красноярском, Царевском, Черноярском у.у. и во внутренней Киргизской орде. Далее 125½ тыс. татар живут в Вятской губ., в у.у. Малмыжском, Елабужском, Уржумском, Глазовском, Сарапульском и Слободском; 47 тыс. в Пермской губ., в у.у. Красноуфимском, Осинском, Пермском, Кунгурском, Верхотурском и Ирбитском; в Уфимской губ. татар 185 тыс., причем больше половины этого числа приходится на Мензелинский у., меньше их—в у.у. Белебеев-

ском, Стерлитамакском, Уфимском и Златоустовском; в Оренбургской губ. татар 93 тыс. и они живут во всех уездах. К западу от приволжских губ. татарские селения имеются в Пензенской губ. в у.у.: Краснослободском, Инсарском, Саранском, Чембарском, Керенском, Городищенском и Мокшанском; всего татар в этой губернии $58^1/_2$ тыс. Около 14 тыс. татар живут в трех северных уездах Тамбовской губ. (в Елатомском, Спасском и Темниковском) и около 5 тыс. в Касимовском у. Рязанской губ.

В южной России много татар в Таврической губ. 197 тыс., причем почти все это число приходится на полуостров Крым на у.у. Ялтинский, Феодосийский, Симферопольский, Евпаторийский и Перекопский, причем в Ялтинском у. татары составляют абсолютное большинство всего населения (59,0%), а в Симферопольском (44,4%) и Евпаторийском (42,7%) относительное; в северных уездах Таврической губ. татар почти нет. Далее 17 тыс. татар живут в Екатеринославской губ., преимущественно в Мариупольском у.

Небольшое число татар имеется в Виленской и Ковенской губ.; это потомки пленных, выведенных на Литву великим князем Витовтом после похода 1395 г.; теперь их несколько тысяч, прежде же их число было значительно больше, и не далее как в первой четверти прошлого столетия в руской армии был особый татарский конный (потом уланский) полк, набранный из литовских татар.

Но кроме перечисленных выше уездов отдельных татар или отдельныя татарския семьи можно встретить чуть не повсеместно в Европейской России, где в виде торговцев, где в виде прислуги в ресторанах и железнодорожных буфетах и т. д., и общее число татар в Европейской России в 1897 г. немного не достигало двух миллионов (1,953,155 человек).

Трудно одним-двумя словами определить главные хозяйственные занятия восточных или волжско-камских татар, как, впрочем, и всякого другого крупного народа, так как среди них имеются представители всяких занятий— и земледельцы, и черноработчие, и торговцы, и лица, живу-

щие интеллигентным трудом и т. д. и т. д. Конечно, главная масса татар живет в деревнях и занимается там обычным крестьянским земледельческим трудом, но не этот земледельческий труд наиболее характерен для татар. В области земледелия они не достигли никаких крупных успехов, и употребляемые ими приемы обработки земли не только не выше, а скорее ниже, чем у русских, чуваш и других их соседей. Да и нет у них той глубокой приверженности к земледелию и той страстной любви к земле, которые отличают, напр., чуваш. Поэтому они легко расстаются с деревней и идут в города для приискания себе там иных занятий, что им и удается благодаря их трудолюбию, аккуратности в работе, сообразительности и большой физической силе и выносливости. Тут они не отказываются ни от какой работы и среди них можно встретить много чернорабочих, грузчиков, ресторанной прислуги и т. д., но с наибольшим успехом занимаются они торговлей и крупной и мелкой, и во многих местностях юго-восточной России они в торговом отношении значительно опередили русских. Вообще это—народ, более тяготеющий к городским формам жизни и к городским формам труда, и народ к тому же относительно богатый и отличающийся большой предприимчивостью и настойчивостью в преследовании поставленных себе целей.

По вероисповеданию громадное большинство татар—мусульмане; христиан и в частности православных среди них немного; в Оренбургской губернии такие принявшие христианство татары известны под именем нагайбаков и образуют 7 поселков с 5 тыс. населения. Грамотность у татар в сравнении с другими восточными инородцами стоит довольно высоко, а по числу грамотных женщин татары опередили даже русских в тех же губерниях. Так в Казанской губернии среди русских грамотных мужчин было в 1897 г. 36,02%, а грамотных женщин—13,09%, среди же татар грамотных мужчин 21,67% и грамотных женщин —17,73%; в Вятской губ. процент грамотных женщин был еще выше и достигал 21,3%, тогда как среди русских женщин той же губернии грамотных было лишь 8,1%. Надо,

однако, иметь в виду, что русскую школу татары посещают неохотно и в Казанской губ. лишь 4,64% мужчин, 2,45% женщин были грамотны по-русски, остальные же 16,99% мужчин и 15,28% женщин были знакомы лишь с татарской грамотой. Вообще татары очень стойки в национальном отношении; они крепко держатся за свою веру, за свои обычаи, за свой костюм, но эту стойкость неправильно было бы назвать консерватизмом, потому что они умеют ценить достоинства европейского образования и среди них не мало лиц, прошедших высшую школу, занимающихся интеллигентным трудом и в то же время полностью сохраняющих все духовные и иные связи со своим народом. Сознание племенного единства развито у татар очень сильно; они держатся обыкновенно сплоченно и охотно выручают друг друга в беде.

Таким образом, многие условия: большая численность, известная зажиточность, наличность своей интеллигенции и буржуазии, довольно высокий уровень просвещения, национальная стойкость и сильно развитое национальное чувство, наконец, воспоминания о громком историческом прошлом, когда татары составляли самостоятельные могущественные царства,—все это обеспечивает за татарами видное место в политической, общественной и культурной жизни Поволжья и соседних с ним губерний и создает достаточно твердую почву для их национальных притязаний. Правда, татары сильно разбросаны и ни в одной губернии не составляют даже трети всего населения, но зато они имеют известного рода поддержку среди других народов восточной России. Все народы, исповедующие мусульманства, тесно сплочены между собою, и татары, в частности именно казанские татары, играют среди них руководящую роль; эта роль принадлежит им по праву и ни один другой мусульманский народ Заволжья ее не оспаривает, так как в мусульманском мире восточной России татары бесспорно занимают первое место и по своей образованности и по своему богатству. Это обстоятельство заставляет однако несколько видоизменить политические требования татар, побуждает их выступать не столько от сво-

его национального имени, сколько от имени мусульман вообще. На выборах в Государственную Думу татары выставляли «мусульманские» списки, равным образом и в самой Думе действовала «мусульманская» фракция; но руководящая роль при этом принадлежала татарам. Равным образом и на выборах в Учредительное Собрание татары старались объединить мусульман на общих списках, обеспечивая себе при этом первенствующее место; эта политика им впрочем не всюду удавалась.

Южные или крымские татары играют в мусульманском мире менее влиятельную роль, чем казанские. Их меньшая численность и большая географическая обособленность от других мусульманских народов ограничивает пределы их влияния только Крымом, где они составляют преобладающую по численности народность. Кроме того они и менее богаты, и менее образованы, чем казанские татары. Подобно последним они — мусульмане, подобно последним они обнаруживают большую преданность своей религии и значительную стойкость в сохранении своих национальных обычаев, но им не удалось в такой мере, как казанским татарам, разрешить трудную задачу согласования верности заветам национальной старины с новыми европейскими формами хозяйственной и государственной жизни. Уклад их жизни носит иной характер, чем у казанских татар; последние в хозяйственном отношении движутся вперед, крымские же татары стоят на одном месте, и занятие торговлей, занимающее такое видное место в жизни казанских татар, не играет большой роли у крымских, они в большей мере—земледельцы, скотоводы и т. д. Руководящую роль среди казанских татар играет буржуазия, среди крымских—дворянство, не особенно, впрочем, многочисленное. В политическом отношении казанские татары всецело живут будущим, крымские—главным образом, воспоминаниями о прошлом. Среди них довольно живы были симпатии к единоверной им Турции, но лишь в настоящий революционный момент крымские татары выступили с национальной программой, и трудно сказать, насколько эта программа объединяет массы населения.

Литовские татары слишком немногочисленны (их около $3^1/_2$ тыс.) и слишком оторваны от всех родственных им народностей, они поэтому сильно обезличились и число их сильно сокращается.

Из других народов тюркской ветви, живущих в пределах Европейской России, наиболее многочисленными являются чуваши и башкиры. Надо, впрочем, иметь в виду, что ученые до сих пор не согласны между собою относительно происхождения чуваш и башкиров. Одни считают их настоящими тюрками, другие—и таких пожалуй большинство—приписывают им финское происхождение, но согласны в том, что впоследствии эти финские народы подверглись очень сильному тюркскому влиянию. Как бы то ни было языки, которыми говорят чуваши и башкиры, несомненно тюркские, а так как заимствование языка невозможно без одновременного заимствования и других культурных благ, то в культурном отношении чуваш и башкиров во всяком случае удобнее считать тюркскими народами.

Чуваши в противоположность многим другим народам живут сосредоточенно и в пяти уездах составляют преобладающую по численности народность. В Ядринском у. Казанской губ. они составляют 90,9% всего населения, в Цивильском у. той же губернии 79,9%, в Чебоксарском—66,6%, в Козьмодемьянском—47,3%, в Буинском у. Симбирской губ.—44,3%, и в этих пяти расположенных рядом друг с другом уездах сосредоточено более половины всего числа чуваш. А если принять во внимание еще соседних и тоже довольно многочисленных чуваш Тетюшского у. Казанской губ. и Курмышского у. Симбирской губ., то получится, что две трети всего чувашского племени живут в одной сплошной области, где они и составляют большинство населения. Кроме того, в Казанской губ. многочисленные селения чуваш имеются в Чистопольском и Спасском у.у., а в небольшом числе и в Свияжском; в Симбирской г. чувашские селения есть еще в уу. Симбирском, Корсунском, Сенгилейском и Сызранском, а отсюда немногие чувашские селения заходят и в северные уезды

Саратовской губ.—Хвалынский, Кузнецкий, Петровский и Вольский. За Волгой много чуваш в Самарской губ., где чувашские селения есть во всех уездах, кроме Николаевского и Новоузенского, больше же всего в Бугульминском и Бугурусланском; далее чуваши живут в Белебеевском, Стерлитамакском и в меньшем числе в Мензелинском у.у. Уфимской губ. и, наконец, некоторое число их имеется в Орском у. Оренбургской губ. В общей сложности чуваш насчитывалось в 1897 г. 844 тысячи.

Главное, почти исключительное, занятие чуваш—земледелие. В это занятие они вкладывают всю свою душу, и их любовь к земле, пожалуй, даже еще больше, чем у русского крестьянина. Всякого рода ремесла и мелкие домашние промыслы плохо удаются им, и еще меньше успеха они имеют в торговле. Несмотря на свое очень большое трудолюбие живут они очень бедно: избы грязные, зачастую и теперь курные, домашняя обстановка—убогая. В связи с этим у них сильно распространены всякого рода болезни, а процент слепых среди них выше, чем у какого-либо другого народа Поволжья.

По вероисповеданию большинство чуваш—православные, но большое число их и до сих пор остается язычниками. За последние десятилетия отмечались нередкие случаи перехода их в мусульмане, причем переходят в мусульманство не только чуваши-язычники, но и чуваши-христиане. Переход в мусульманство совершается под влиянием татар и сопровождается обыкновенно усвоением чувашами и других сторон татарского быта: обычаев, костюма, языка и т. д. В Буинском у. Симбирской губ. известно не менее восьми чувашских деревень, которые отатарились. Вообще влияние татар на чуваш очень сильно, влияние же мусульманства особенно заметно среди восточных чуваш.

Грамотность среди чуваш стоит очень низко, и они в этом отношении занимают одно из последних мест среди волжских инородцев. Особых чувашских школ нет, но во многих низших школах была принята система Н. И. Ильминского, т.-е. в младших классах преподавание велось на родном языке учащихся, и лишь постепенно переходили к

преподаванию на русском языке. Но, несмотря на хорошие результаты, которые давала эта система, она не могла привиться вполне прочно, так как вызывала против себя по временам сильное противодействие со стороны местных духовных и светских властей. Большую роль в деле просвещения чуваш сыграла казанская инородческая учительская семинария, в которой чуваш обучается больше, чем представителей какой либо другой народности кроме русских, и симбирская чувашская учительская школа. Литература на чувашском языке очень не велика и состоит преимущественно из небольших книжек, изданных переводческой комиссией православного миссионерского общества при братстве св. Гурия (в Казани); книжки эти, главным образом, духовно-нравственного содержания; есть, впрочем, немного по сельскому хозяйству и гигиене. Были попытки издавать чувашскую газету, но большого успеха не имели. Чувашская интеллигенция немногочисленна и состоит преимущественно из сельских учителей и духовенства (во многих чувашских приходах богослужение совершается полностью или отчасти на чувашском языке); эта интеллигенция отличается большой преданностью своему народу, и из среды чуваш вышло несколько деятелей, составивших себе в науке почтенное имя работами по изучению своего племени. Своей буржуазии у чуваш нет. Первые самостоятельные политические выступления чуваш относятся лишь к революционному времени, на выборах в Учредительное Собрание они выступили с особой чувашской национальной программой и действовали очень дружно.

Башкиры живут, главным образом, в Оренбургской и Уфимской губ., причем в Уфимской губ. они являются главной по численности народностью и составляют 41% всего населения, в частности же в Белебеевском у. их численность достигает 53,8% всего населения, а в Бирском 52,7%; в обеих этих губерниях многочисленные башкирские селения имеются во всех уездах. В меньшем числе башкиры живут в Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском и Николаевском у.у. Самарской губ., в Красноуфимском, Осинском, Шадринском, Екатеринбургском и Пермском уу.

Пермской губ. и в Елабужском и Сарапульском у.у. Вятской губ. Общая численность их достигала в 1897 г. 1,321 тыс., в том числе на Уфимскую губ. приходится 900 тыс., а на Оренбургскую 255 тыс.

В старину они вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством и отличались большою воинственностью; в течение 17 и 18 века они неоднократно восставали против русских и подчинялись лишь после упорной борьбы. Потом они несли службу в роде казачьей и принимали участие в Наполеоновских войнах, причем особые башкирские полки участвовали между прочим и в походе на Париж в 1814 г. Теперь от их былой воинственности не осталось и следа; изменился коренным образом и весь их быт. Их прежнее земельное богатство отошло в область предания; сперва они сами охотно пускали добровольно на свои земли переселенцев русских, татар, мещеряков, тептярей; потом к этому стали принуждать их местные власти, а далее началось простое расхищение башкирских земель мелкими и крупными чиновниками, пользовавшимися темнотой башкир и присвоивавшими под разными предлогами башкирские земли. В результате у башкир вместо богатства землей получалось сильное малоземелье, сделавшее совершенно невозможным скотоводство в его прежних широких размерах. А так как земледелие прививалось у башкир туго, то они стали разоряться и живут теперь очень бедно. Вместо прежней привольной жизни и кочевок в степях, башкир ставит теперь с наступлением лета кибитку на своем дворе и это является последним воспоминанием о кочевой жизни.

По вероисповеданию башкиры почти сплошь мусульмане; христиан среди них мало. Они находятся под сильным культурным влиянием татар в тех местах, где они живут рядом; особенно это заметно среди более богатых и более образованных башкир, которые обыкновенно полностью усваивают весь татарский обиход жизни и все татарские обычаи. Просвещение у башкир носит мусульманский характер. Несмотря на все это на выборах в Учредительное Собрание башкиры обособились от татар и мусульман вообще и выступили со своими самостоятельными списками.

С башкирами тесно сливаются еще две небольшие тюркские народности мещеряки и тептяри. Впрочем, вопрос о том, в какой мере тех и других можно считать самостоятельными народами, представляется довольно спорным. Перепись 1897 г. отметила 54 тыс. мещеряков, главным образом в Шадринском у., Пермской губ., Златоустовском и Стерлитамакском у.у. Уфимской губ., Новоузенском у. Самарской губ. и Верхнеуральском у. Оренбургской губ. и 118 ытс. тептярей преимущественно в Бугульминском и Бугурусланском у.у. Самарской губ., в Мензелинском, Уфимском, Белебеевском, Златоустовском и Стерлитамакском у.у. Уфимской г., в Верхнеуральском у. Оренбургской губ., в Елабужском и Сарапульском у.у. Вятской губ. и в Красноуфимском у. Пермской губ. Но более ранние источники определяют численность обоих этих народов значительно выше; так, академик Видеманн насчитывал мещеряков в 1856 г. 111 тыс., а тептярей—261 тыс. Объясняется это разногласие, повидимому, тем, что в 1897 г. не всегда отличали мещеряков и тептярей от башкир, а местами и от татар. Большая часть мещеряков и тептярей живут на башкирских землях, несли прежде общие с башкирами повинности по отбыванию военной службы и теперь очень близки к ним по всему своему быту. Относительно мещеряков, точно также, как и относительно башкир, есть основания думать, что они не настоящие тюрки, а отуреченные финны.

Для полноты обзора остается упомянуть, что в Бессарабии, в южной части Бендерского у. и в северной части Измаильского живет еще один небольшой тюркский народ гагаузы. Повидимому это отуреченные болгары, с которыми у них много общего во всем быте; численность их около 70,000 человек.

В Средней Азии тюркские народы особенно многочисленны, и здесь русские совершенно затериваются среди них. По данным переписи 1897 г. во всей Средней Азии (включая сюда и Уральскую область) русские составляли только 8,91% всего населения, а различные тюркские племена—87,96%. С тех пор вследствие переселений это от-

ношение несколько изменилось в пользу русских, но не настолько сильно, чтобы изменить общий характер населения Средней Азии. Численность отдельных тюркских племен можно определить лишь приблизительно, так как в итогах переписи 1897 г. около 440 тыс. тюрок не распределены по отдельным народностям. Кроме того, может быть, и вообще перепись 1897 г. преуменьшила численность тюркских племен Средней Азии; на эту мысль наводит то обстоятельство, что по переписным данным у многих народов число женщин слишком мало в сравнении с числом мужчин: так у узбеков на 1000 мужчин приходится 821 женщина, у сартов—832, у каракиргизов 852, у киргизов 876 и т. д.; такого реского несоответствия в численности полов не наблюдается ни в одной европейской стране и, быть может, оно объясняется просто недостаточно точным учетом при переписи женского населения.

Самой крупной по численности тюркской народностью Средней Азии являются к и р г и з ы или киргиз-кайсаки. Общее число их по переписи превышает 4 миллиона (4,084,139 человек). Некоторое число их живет в Европейской России, а именно в Астраханской губ., в так называемой внутренней Киргизской орде и в уездах Астраханском, Енотаевском, Красноярском и Царевском; всего 251 тыс.; отсюда они проникли в небольшом числе в Новоузенский у. Самарской губ., есть немного киргизов и в Троицком у. Оренбургской губ. В Средней Азии они составляли в 1897 г. абсолютное большинство всего населения во всех без исключения уездах областей: Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Семиреченском; в Акмолинской области они составляли абсолютное большинство в уездах Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском, в уездах же Омском и Петропавловском уступали по численности русским. В Сыр-Дарьинской области они составляли абсолютное большинство в уездах Аулиеатинском, Казалинском, Перовском и Чемкентском; в Ташкентском у. их очень много, но точных цифр распределения тюрков по отдельным племенам в этом уезде нет; в Аму-Дарьинском у. они уступают по численности каракалпакам. В Самаркандской обла-

сти они живут в Джизакском и Ходжентском у.у.; в Закаспийской обл. они составляли абсолютное большинство населения в Мангышлакском у. и имеются в Красноводском у. Кроме Средней Азии в небольшом числе киргизы живут в Змеиногорском и Каинском у.у. Томской губ. Таким образом, киргизы живут сплошной или почти сплошной массой на громадном пространстве от нижней Волги до верховьев Иртыша около $2^1/_2$ миллионов квадр. верст, т.-е. на пространстве приблизительно вдвое большем, чем Германия и Австро-Венгрия, взятые вместе.

Историческое значение киргизов однако далеко не соответствует ни их численности, ни занимаемому ими громадному пространству. В прошлых судьбах Средней Азии они играли второстепенную роль и равным образом проникновению русских в Среднюю Азию они оказали гораздо меньшее сопротивление, чем другие, менее многочисленныя племена. Конечно, было не мало столкновений между русскими и киргизами, но это были именно мелкия пограничныя столкновения, пожалуй, менее серьезныя, чем борьба с башкирами. Когда же началось покорение русскими Туркестана, киргизы остались в стороне в возникшей при этом упорной борьбе между русскими и туземными ханствами Бухарским, Хивинским и Кокандским. Равным образом не принимали киргизы участия и в последующей борьбе между русскими и туркменами. Объясняется это отчасти характером киргизов, отсутствием у них воинственности, а еще больше тем, что они никогда не составляли одного политического целого, а жили отдельными родами, племенами и ордами, совершенно независимыми друг от друга. У них были свои султаны, но власть этих султанов распространялась на небольшую часть народа, да и, вообще, была сильно ограничена. Надо также принять во внимание и то, что хотя киргизы и мусульмане, но мусульманство у них сравнительно недавнего происхождения и не пустило глубоких корней в народе; поэтому к появлению русских и христиан вообще они относились с меньшей враждебностью, чем другие, более фанатичные мусульманские народы. Вместе с тем и русские при своем первом про-

никновении в Среднюю Азию мало интересовались чисто киргизскими областями, не имеющими крупных городских поселений и состоящими из земель, сплошь и рядом мало пригодных для земледелия. Все это позволяло русским и киргизам в течение некоторого времени довольно мирно уживаться рядом, не обращая большого внимания друг на друга.

Резко ухудшились отношения между русскими и киргизами уже в настоящем столетии. Раньше киргизы занимались исключительно скотоводством и жили зажиточно, располагая достаточным количеством пастбищ для своих табунов и стад. По мере того, как в киргизские степи проникали русские, земельное приволье киргиз стало более ограниченным; часть земель захватывали переселенцы, еще больше было отведено для сибирского казачьего войска. Но это делалось исподволь и киргизы, хотя не без затруднений, все же до некоторой степени приспособлялись к новым условиям жизни.

Местами они просто потеснились, местами стали переходить от скотоводства к земледелию и другим занятиям и с грехом пополам сводили концы с концами. В настоящем же столетии при П. А. Столыпине в киргизские степи была двинута новая большая волна переселенцев, и у киргизов вновь стали отбирать земли для переселенческих наделов. Нельзя сказать, чтобы отрезка киргизских земель производилась на этот раз в особенно широких размерах по сравнению с прежними. Но, во-первых, киргизское хозяйство было уже ослаблено более ранними захватами киргизских земель и ему поэтому было труднее справиться с новым ударом, а во-вторых, отобрание земель у киргизов производилось при П. А. Столыпине особенно быстрым ходом, так что киргизы не имели времени опомниться и приспособиться к новым обстоятельствам и к новым хозяйственным формам. В результате киргизское хозяйство испытало очень сильное потрясение, и киргизы сразу резко обеднели. На этой почве и создались враждебные отношения киргизов к русским, а различные злоупотребления русских чиновников и тянувших их руку киргизских старшин еще подли-

вали масла в огонь. Накопившееся недовольство и прорвалось в массовых беспорядках 1916 г., возникших из-за привлечения киргизов вместе с другими инородцами, не отбывающими воинской повинности, к тыловым работам, и с тех пор брожение среди киргизов не прекращалось.

Киргизы, как уже сказано,—мусульмане, но мусульмане очень поверхностные и никогда не соблюдали многих обычаев, общепринятых в мусульманском мире; так, напр., киргизские женщины никогда не закрывали своего лица и не прятались от посторонних мужчин. В связи с этим обстоятельством и просвещение у киргизов не носит такого узко-духовного характера, как у других мусульман. Они не так чуждаются русских школ, но школ этих очень мало, а потому и грамотность среди киргизов стоит очень невысоко. Тем не менее некоторое число киргизов попадает не только в среднюю, но и в высшую школу, и есть киргизы, приобретшие себе известность своими научными трудами. Эти образованные киргизы в большинстве случаев не порывают со своим народом, но их еще слишком мало, чтобы создать свою сильную и влиятельную киргизскую интеллигенцию. Литература на киргизском языке не велика, но были попытки издавать киргизские газеты. Национальное чувство и сознание племенного единства до сих пор развиты у киргизов слабо. Но на выборах в Учредительное Собрание они в большинстве населенных ими губерний и областей выступали со своими особыми киргизскими списками.

Киргизскому народу, столь многочисленному и не лишенному хороших задатков и способностей к просвещению, несомненно принадлежит известное будущее и он не может не играть заметной роли в дальнейших судьбах Средней Азии. Но какова будет эта роль,—будет зависеть от того, в какой мере и как им удастся оправиться от постигшего их хозяйственного потрясения, которое еще далеко не изжито ими. Полный возврат к старому хозяйственному строю уже не возможен, а новое хозяйство еще не вылилось у киргизов во вполне определенные формы. Они стоят как бы на распутьи, и от выбора ими в дальнейшем той или другой дороги будет зависеть вся их судьба.

С киргизами или киргиз-кайсаками не надо смешивать каракиргизов (черных киргизов), иначе называемых дикокаменными киргизами или бурутами. Каракиргизы живут к юго-востоку от киргизов, во всех уездах Ферганской области (больше всего их в Андижанском у., меньше всего в Ошском); численность их немного более 200 тыс. человек. По языку каракиргизы резко отличаются от киргизов, но в обычаях и образе жизни у обоих народов было много общего. Каракиргизы отличались большей воинственностью, чем киргизы; главное занятие их было всегда скотоводство, но и земледелие, соединенное с искусственным орошением, имело в их хозяйстве еще до пришествия русских большее значение, чем у киргизов; мусульманство у каракиргизов еще более позднего происхождения, чем у киргизов, но, несмотря на очень поверхностное усвоение ислама, каракиргизы проявляют значительную долю фанатизма и вражды к иноверцам; сознание племенного единства ощущается у каракиргизов более живо, чем у киргизов; общественный строй у каракиргизов носил прежде строго демократический характер; султанов у них совсем не было. Заметим, что киргизы называют себя «казак» (отсюда русское название их киргиз-кайсаки), каракиргизы же называют себя «киргиз»; таким образом, русские названия обоих этих народов нельзя считать правильными.

Каракалпаки представляют наименее изученное из тюркских племен Средней Азии и мы очень мало знаем о них. Большая часть этого племени живет в Аму-Дарьинском отделе в Сыр-Дарьинской области, вело раньше кочевой образ жизни и занималось скотоводством. Меньшая часть переселилась отсюда в долину среднего Заравшана, в Кокандский округ Ферганской области и живет оседло, занимаясь земледелием; теперь, впрочем, и Аму-Дарьинские каракалпаки перешли к земледелию и оседлой жизни. Общая численность всех каракалпаков 104 тыс., причем в Аму-Дарьинском отделе они являются наиболее многочисленной народностью, составляя здесь 47,9% всего населения. Они более забиты в сравнении с другими тюрк-

скими народами и уступают своим соседям в культурном отношении; по вероисповеданию они мусульмане.

Главная масса туркмен (около 250 тыс.) живет в Закаспийской области, где они почти во всех уездах составляют абсолютное большинство населения; в одном лишь Мангышлакском у. их мало. Из Закаспийской области они распространились и в Аму-Дарьинской отдел Сыр-Дарьинской области. С другой стороны туркмены живут в небольшом числе также в Закавказье. Наконец, есть тукменские поселения в Ферганской области, в бывшем Нуратском бегстве, но тождественны ли эти туркмены с Закаспийскими — в этом нельзя быть уверенным. Общее число туркмен около 300 тыс.

Туркмены принадлежат к числу кочевых племен, занимавшихся еще недавно, главным образом, скотоводством, и ведших кочевую жизнь. Но на ряду с этим в их жизни большую роль играли также земледелие и шелководство. Кроме того, туркмены, отличавшиеся большою воинственностью, постоянно совершали набеги на персидские владения, на русские и на мелкие соседние ханства с целью грабежа, и добыча от этих набегов играла не последнюю роль в их хозяйственном обиходе. Проникновению русских в их владения они оказывали очень упорное сопротивление, и ахал-текинский поход Скобелева в 1880—881 г. был последним крупным эпизодом наших средне-азиатских войн. Воинственные наклонности и любовь к набегам туркмены сохранили до настоящего времени, и за последние годы в связи с упадком русской власти в Средней Азии, они неоднократно совершали набеги на Хиву.

По вероисповеданию туркмены—мусульмане. Они делятся на несколько племен: гокланы, иомуды, текинцы, враждующих между собою.

Киргизы, каракиргизы, каракалпаки и туркмены считаются кочевыми тюркскими племенами Средней Азии или были таковыми во время первого появления здесь русских. Но в Средней Азии есть и такие тюркские племена, которые с давних пор живут оседло и занимаются земледелием: таковыми являются узбеки, сарты и таранчи.

Узбеки в русских владениях живут в Самаркандской области, причем во всех уездах, кроме Ходжентского, составляют абсолютное большинство населения, в Кокандском и Маргеланском уездах Ферганской области и в Чимкентском и Аулиеатинском у.у. и в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области; общая численность их в русских владениях, достигает 727 тыс. Кроме того узбеки составляют главную массу населения ханства Хивинского, и когда у нас говорят о хивинцах, то при этом подразумевают, прежде всего, именно узбеков; немало их и в Бухаре. Хотя они живут оседло и занимаются земледелием, все-таки у них сохранились ясные воспоминания об их прежнем кочевом образе жизни; да и в привычках узбека много такого, что обнаруживает недавнего кочевника; они до сих пор не любят прочных домов, а предпочитают им кибитку на дворе; раз у узбека завелись лишние деньги, он, прежде всего, позаботится приобрести себе хорошего верхового коня и т. д. Узбеки отличаются большим мужеством и воинственностью и оказали наибольшее сопротивление проникновению русских в Среднюю Азию; наши войны с хивинцами, кокандцами и бухарцами были, главным образом, войнами с узбеками. Они сплошь все мусульмане и из всех среднеазиатских народов отличаются наибольшей преданностью исламу и наибольшим фанатизмом, хотя в их обычаях сохранилось много такого, что трудно согласовать с правоверным мусульманством. Просвещение их носит чисто духовный характер и находится всецело в руках мулл; их можно назвать главными хранителями мусульманской культуры в Средней Азии. Обще-национальное чувство у узбеков развито весьма слабо; с одной стороны, оно растворяется в религиозном обще-мусульманском чувстве, с другой — распадается на местный хивинский, кокандский, бухарский патриотизм. Тем не менее, благодаря своему в известной степени повышенному настроению, некоторой образованности, хотя и носящей узко духовный характер, и благодаря, наконец, привычке к государственной жизни, узбеки представляют заметную величину среди других народов Средней Азии и с ними серьезно приходится считаться другим народам.

Сарты живут, главным образом, в Ферганской области, где они составляют господствующую по численности народность во всех уездах кроме Ошского; в меньшем числе сарты живут в Ташкентском, Чимкентском и Перовском у.у. Сыр-Дарьинской области, в Джизакском уезде Самаркандской области, и в Верненском, Пишпекском, Пржевальском и Джаркендском у.у. Семиреченской обл.; всего в русских владениях сартов 969 тыс.; кроме того, большое число их живет в Бухаре. О точной численности сартов говорить впрочем трудно, так как название «сарт» не отличается большой устойчивостью и употребляется то в более широком, то в более узком смысле, так что иногда под ним подразумевают, если не все оседлое, то все городское население Туркестана. Объясняется это тем, что сарты представляют не столько вполне самостоятельную обособленную народность, сколько смешение разных народностей. Является даже вопросом, насколько правильно называть сартов тюркским народом, так как повидимому среди них преобладают иранцы, принявшие тюркский язык.

Сарты, как уже сказано, живут оседло; кроме земледелия они занимаются в широких размерах торговлей и разного рода ремеслами. По вероисповеданию они мусульмане, но менее фанатичны, чем узбеки; просвещение и у них носит чисто духовный характер. Сознание племенного единства развито среди них слабо.

Таранчи живут на самом востоке Туркестана, в долине реки Или в Джаркендском и Верненском у.у. Семиреченской области; численность их—60,000 человек. Они занимаются исключительно земледелием и самое их название «таранчи» в переводе на русский язык значит «земледельцы». Несмотря на свое большое трудолюбие, таранчи живут очень бедно. По вероисповеданию они мусульмане и строго исполняют все предписания корана. По образованию они стоят значительно ниже узбеков и сартов.

Кроме того, в Средней Азии насчитывается до 60.000 татар. Отчасти это действительно татары, выходцы из России, отчасти же представители различных тюркских племен, к которым неопределенное название «татары» при-

менено за отсутствием какого-либо другого, более точного. Во всяком случае среднеазиатские татары не представляют чего либо целостного в национальном и в других отношениях.

Есть в Туркестане также представители тюркских народов, живущих в Китае, напр., кашгарцы, но они по своей малочисленности никакой роли не играют.

Сибирские тюрки не многочисленны. В Тобольской и Томской г. они известны преимущественно под общим названием т а т а р с добавлением указания местности: тюменские татары, ялуторовские, тобольские, тарские, барабинские и т. д. Они очень смешенного происхождения; среди них есть выходцы с запада из среды волжских татар, есть выходцы с юга, из Средней Азии, известные здесь под именем бухарцев или сартов, есть, повидимому, остатки и местных племен. В Тобольской губ. (в Тобольском, Тарском, Тюменском и Ялуторовском у.у.) таких татар насчитывалось в 1897 г. 57 тысяч. Они живут разрозненно небольшими волостями, часть которых расположена вдоль большого сибирского тракта. Вследствие этого, они сильно обезличились, а местами прямо обрусели, сознавая свое единство лишь в религиозной области, но не в национальной; местами они себя просто называют «мусульмане», не придавая себе никого племенного имени. Занимаются они земледелием, охотой, отчасти и торговлей. Мусульманство у них сравнительно недавнего происхождения.

Такую же приблизительно картину представляют и татары Томской губ., но здесь на ряду с названием «татары» употребляется еще более нопределенное название «инородцы», опять-таки с добавлением указания местности: чулымские инородцы, мелецкие инородцы (те и другие теперь совершенно обрусели) и т. д. Таких же обезличенных татар мы встречаем и в Енисейской г. и даже еще далее на восток, вплоть до Сахалина, но в восточной Сибири эти татары очень малочисленны и появились здесь совсем недавно, позже русских. Начиная с Томской губ. встречаются однако уже и такие тюркские племена, которые сумели лучше сохранить свою национальную физиономию. Не мало

способствовало этому то обстоятельство, что данные племена оказались чужды мусульманству и его обезличивающему влиянию. Большинство этих племен, впрочем, очень малы каждое в отдельности и потому представляют интерес не столько для общественного и политического деятеля, сколько для специалиста ученого.

В Алтайских горах, в долинах рек Катуни и Чарыша, живут алтайцы, иначе называемые также алтайскими или горными калмыками, хотя с настоящими калмыками они не имеют ничего общего по своему происхождению. Еще очень недавно они были чистыми кочевниками, жившими исключительно скотоводством и охотой, но за последние 50 лет они стали переходить к оседлому образу жизни и к земледелию. По вероисповеданию они были еще недавно язычниками, теперь большинство их обращено в христианство, но тем не менее старые языческие верования и обряды сохранились у них очень живо. Несмотря на свою разбросанность по довольно обширному пространству они обнаруживают большое однообразие в языке, обычаях и образе жизни, и в связи с этим сознание племенного единства ощущается ими довольно живо. У них были прежде родовые старейшины, зайсаны, власть которых переходила по наследству. Незначительная численность племени, 15—20 тысяч, и низкий в общем культурный уровень мешают ему играть заметную роль в жизни края. В ближайшем родстве с ними стоят двоеданцы, называемые так потому, что до 1865 г. они платили дань как русскому правительству, так и китайскому; сами себя они называют теленгитами или телесами; живут двоеданцы немного восточнее алтайцев, в долинах рек Чуи, Башкауса и Чулышмана; по образу жизни они почти не отличаются от алтайцев. Очень близки к последним, особенно по языку, и телеуты, иначе теленгеты, представляющие остаток некогда крупного племени. Они живут, главным образом, по рекам Бачату и Уру в Кузнецком у. Томской губ., меньшинство—в Бийском у. той же губернии. Они издавна живут оседло и занимаются земледелием, но это не мешало им оставаться до очень недавнего времени язычниками; теперь многие из

них совершенно обрусели; численность их не превышает 10,000 человек.

На северном Алтае и в его соседстве живут еще несколько небольших народностей, говорящих тюркскими языками, но, повидимому, не тюркского происхождения. Таковы кумандинцы, обитающие по берегам реки Бии и живущее оседло маленькими деревнями, состоящими наполовину из землянок и берестяных шатров; они с давних пор занимаются земледелием. Кумандинцы очень сильно обрусели. К ним очень близки лебедские татары, живущие по реке Лебеди, притоку Бии. Далее сюда относятся так называемые черневые татары, получившие свое имя оттого, что они живут по горам, покрытым хвойными лесами (по местному «чернь»); их главными занятиями еще недавно были охота и собирание кедровых орехов. На свои теперешние места жительства между Телецким озером и Катунью они переселились сравнительно недавно, в начале 18-го века откуда то с востока. По происхождению они, повидимому, родственны самоедам, а тюркский язык заимствовали, надо думать, от киргизов. Потом они сильно смешались с алтайцами и телеутами. Лесную область между Телецким озером и истоками реки Томи занимают шоры, известные также под именем мрасо-кондомских татар. По происхождению они повидимому родствены с енисейскими остяками, о которых речь будет дальше, и принадлежат, таким образом, к древнейшему населению края. В старину они играли значительную роль в жизни всей приалтайской области, потому что они занимались, главным орбазом, добыванием и обработкой железа, и их железные изделия имели очень широкое распространение. Поэтому и русские, познакомившиеся с ними в начале 17-го века, дали им название «кузнецкие татары», от них же получил свое имя и город Кузнецк. Теперь они очень сильно обрусели.

Определить точно численность каждого в отдельности из народов, живущих в области Алтая, трудно, потому что перепись 1897 г. не различает их между собою, а объединяет под общим именем татар. Всего в Томской

губ. перепись насчитывала 95 тыс. татар, из которых на Бийский у. приходится 41 тыс. на Кузнецкий 26 тыс., на Змеиногорский — 14 тыс., на Томский—13 тыс. и т. д. Во всяком случае численность этих народов незначительна, и, кроме того, обрусение у них зашло очень далеко.

Ближайшими восточными соседями всех перечисленных выше народов являются племена, известные под общим именем абаканских или минусинских инородцев. К числу их принадлежат сагайцы или сагаи, которые числом до $12^1/_2$ тыс. человек живут преимущественно по левым притокам р. Абакана, бельтиры ($4^1/_2$ тыс.), по верхнему Абакану и его притокам, койбалы (немного более 1 тыс.), на правом берегу Абакана и т. д. Все эти племена очень смешанного происхождения, образовавшиеся, повидимому, из слияния настоящих тюрков, самоедов, енисейских остяков и т. д. Они с давних пор живут оседло и занимаются земледелием; большая часть их христиане. Много общего с ними имеют кызыльцы, живущие по рекам Белому и Черному Июсу в Ачинском уезде Енисейской губ.; численность их около 5,000; они очень сильно обрусели. По нижнему Абакану живут качинцы (около 11 тыс.), отличающиеся от своих соседей тем, что скотоводство у них преобладает над земледелием. Сюда же можно отнести и урянхайцев, (иначе сойоты, саянцы), которые в небольшом числе проникают в пределы России, главным же образом живут в Китае. Все эти племена очень не многочисленны, живут бедно, стоят на довольно низком культурном уровне и не играют поэтому никакой роли в жизни Сибири.

Еще далее к востоку в Нижнеудинском у. Иркутской губ. между реками Окою, Удою, Бирюсой и Каном живет крохотное (всего несколько сот человек) племя карагасы, говорящие тюркским языком, но, повидимому, самоедского происхождения; они ведут кочевой образ жизни и занимаются оленеводством и охотой.

Самым крупным и вместе с тем бесспорно и самым интересным тюркским народом Сибири являются Якуты. Они раскинулись на громадном пространстве, составляя

подавляющее большинство населения всей Якутской области; лишь в самом южном у. этой области Олекминском они уступают по численности русским. Особенно густыми массами якуты живут в области среднего течения реки Лены и ее притоков левого Вилюю и правого Алдана. Области, занятой ими, хватило бы, чтобы выкроить из нее несколько первоклассных европейских государств, но тем не менее общая численность якутов, если их не сравнивать с другими более мелкими племенами, все же невелика и достигала в 1897 г. всего лишь 225 тыс. человек.

Главный интерес, впрочем, якуты представляют не по своей относительной многочисленности, не по занимаемому ими громадному пространству, а как пример совершенно исключительной стойкости в хозяйственном и национальном отношении народа, заброшенного волею судеб в чрезвычайно неблагоприятную обстановку. В своих теперешних местах жительства якуты появились сравнительно недавно, несколько веков тому назад, и пришли сюда откуда то с юга, из областей более благоприятных в климатическом и других отношениях. И тем не менее, попав в суровую обстановку полярных стран, они не растерялись, не опустились, а наоборот стали в хозяйственном отношении на вполне твердую почву. Это было бы еще не так трудно, если бы они воспользовались опытом более ранних обитателей страны и восприняли от них уже готовое хозяйство. Но нет, этого не было, якуты ничего ни у кого не заимствовали на своих новых местах, а завели здесь свое хозяйство, совершенно чуждое другим более древним обитателям страны. Якуты занимаются скотоводством, разводя преимущественно рогатый скот, и в этом отношении стоят совершенно особняком среди своих соседей, занимающихся охотой, рыбной ловлей и оленеводством. Охота и рыбная ловля для якутов являются совершенно второстепенными подсобными промыслами, а оленеводством они занимаются в очень ограниченных размерах лишь на крайнем севере занимаемой ими области. В то время, как большинство их соседей ведут кочевой образ жизни, довольствуясь вместо жилища берестяными шатрами или чумами из оленьих

шкур, якуты живут оседло в бревенчатых юртах, правда, выстроенных из бревен, не лежащих горизонтально, как в наших избах, а поставленных стоймя с небольшим наклоном. Разного рода ремесла, вплоть до изготовления металлических изделий, распространены у них несравненно больше, чем у соседей, а в области торговли они не только превосходят всех других инородцев Якутской области, но и успешно соперничают с русскими. Вообще их материальное обеспечение выше и главное прочнее, чем у какого бы то ни было другого народа восточной Сибири, и их жизнь поэтому меньше подвержена всякого рода случайностям, принимающим иногда катастрофический характер, чем жизнь их соседей. Большинство этих соседей находится в экономической зависимости от якутов,—зависимости, принимающей иногда кабальный характер. С европейской точки зрения благосостояние якутов и вообще вся обстановка их жизни, конечно, очень убоги, но если принять во внимание чрезвычайно неблагоприятные условия жизни в полярных странах, нельзя отрицать того, что якутами сделано в хозяйственной области очень много. Теперь под влиянием русских они начинают местами переходить и к земледелию, поскольку оно здесь возможно.

Не менее стойкости проявляют якуты и в национальном отношении. Мы можем не удивляться тому, что тунгузы и другие инородцы, живущие рядом с якутами, находятся под их влиянием и легко объякучиваются; ведь якуты и численно превосходят своих соседей, и стоят значительно выше их в культурном отношении. Но и в сношениях с русскими якуты проявляют такую же стойкость, так что примеры объякучивания русских встречаются гораздо чаще, чем обратные примеры обрусения якутов. Якутский язык является господствующим во всей области, и даже в самом губернском городе Якутске он в общем употреблении даже между чисто русскими семьями, не говоря уже про то, что все сношения, как торговые, так и официальные, со всеми инородцами области ведутся на якутском языке. В Якутской области даже помимо сношений с якутами легче обойтись без знания русского языка, чем без знания языка якутского.

Просвещение среди якутов распространено очень слабо, так как школы здесь почти отсутствуют. Но те якуты, которым так или иначе открывается доступ к образованию, учатся хорошо, и среди них есть люди уже с университетским образованием, правда, они насчитываются пока немногими единицами. Были попытки издавать якутскую газету. По вероисповеданию якуты православные, но православие их чисто-поверхностное, и в якутской жизни сохранилось много языческих обрядов. В общем, впрочем, якуты относятся довольно безразлично к религиозным вопросам.

Как есть здоровые и больные люди, так и среди народов есть более крепкие, более жизнеспособные, и вот якуты представляются именно таким жизнеспособным народом. Если сравнить общительного, веселого и добродушного тунгуса с несколько суровым прижимистым якутом, то первый покажется нам более симпатичным и, пожалуй, даже более талантливым. И тем не менее тунгусы обречены на более или менее медленное вымирание, а у якутов, несомненно, есть будущее, будущее не Бог знает какое большое, но всетаки будущее.

Общая численность всех тюркских народов, живущих в России, считая племена, живущие на Кавказе, о которых речь будет дальше, но не считая населения Хивы и Бухары, достигала в 1897 году $13^1/_2$ миллионов или $10{,}8^0/_0$ всего населения России; если же прибавить сюда тюркских обитателей Хивы и Бухары, то получится около 16 миллионов. Это очень крупные цифры, дающие тюркским народам возможность играть заметную роль в будущих судьбах России. Благоприятным для тюрков условием является то, что наряду с дроблением их на много отдельных племен некоторые тюркские народы отличаются многочисленностью и занимают одну сплошную область. Далее среди тюрков имеются народы, достигшие уже высокого уровня просвещения и накопившие значительные богатства, у них есть своя буржуазия, своя интеллигенция, своя литература, есть навыки в общественных делах, пробудился интерес к политическим вопросам... Не лишено значения и то, что некоторые тюркские народности имеют

громкое историческое прошлое, и воспоминания об этом прошлом достаточно живы. Наконец, большинство тюрков объединено еще и общностью религии (мусульманства)и эта религия связывает их не только с некоторыми не-тюркскими народами, но и со всем вообще мусульманским миром Европы, Азии и даже Африки.

Но есть и неблагоприятные условия. То же самое мусульманство, с одной стороны, сплачивая и усиливая тюрков, с другой стороны ослабляет их. Это ослабление проявляется не только в обособлении тюркских народов, не придерживающихся ислама, но и в том, что культурное развитие и просвещение у тюркских народов принимает несколько односторонний, черезчур религиозный характер. Да и в узко-национальном отношении оно имеет свои отрицательные стороны, подставляя вместо задач национального характера задачи вероисповедные. Мусульманский мир и тюркские народы России только теперь пробуждаются к деятельной политической жизни, но противоречия между общемусульманскими стремлениями и национальными стремлениями отдельных тюркских народов сразу же сказались, и путей для их примирения пока не найдено. Далее нельзя закрывать глаза на то, что между некоторыми даже из наиболее крупных тюркских племен имеются очень большие различия в культурном и хозяйственном отношении, да и области, заселенные ими, слишком далеки друг от друга, имеют между собою слишком мало общего для того, чтобы их можно было соединить в одно целое. Ведь в самом деле какие экономические связи могут быть у чуваша Казанской губернии, степного киргиза, ферганского сарта или закаспийского туркмена, а без такой экономической связи трудно создать прочное объединение. Наконец, некоторые из наиболее крупных тюркских народов переживают как раз именно в настоящее время переходный момент, тяжелый перелом в хозяйственном отношении, и их будущее представляется неясным. Поэтому при всей многочисленности тюрских народов России всетаки трудно говорить более определенно об их дальнейших судьбах и о том, какую роль они сыграют в дальнейшей истории России.

Другие народы Сибири.

Теперь нам надо сказать несколько слов о целом ряде мелких народностей, живущих в Сибири, которые по своему происхождению не имеют ничего общего с народами урало-алтайской семьи.

Таковы, прежде всего, енисейские остяки, о которых мимоходом мы уже упоминали ранее. Это маленькое племя, численность которого не достигает и тысячи душ, живет по обим берегам Енисея и занимается рыболовством, влача довольно жалкое существование. Язык их стоит совершенно особняком и не находится ни в каком, хотя бы самом отдаленном, родстве ни с каким-либо другим языком Сибири или Азии вообще. Но еще в средине прошлого века существовали остатки другого народа: коттов (на реке Агуле, притоке Кана), говорившего на языке, родственном языку енисейских остяков. В родстве с ними были также исчезнувшие теперь народы арины и асаны. Далее, как уже мы говорили, теперешним шорам и отчасти сагайцам, тоже можно приписывать происхождение от народа, родственного енисейским остякам, а некоторые ученые идут так далеко, что склонны приписывать такое же происхождение даже теперешним киргизам. Таким образом енисейские остяки—последний остаток гораздо более многочисленного народа, представляющего более древнее население Сибири, чем племена, живущие в ней ныне. Пройдет немного времени, и, вероятно, и этот остаток исчезнет, потому что енисейские остяки частью вымирают, частью поддаются обрусению.

В прежних владениях России на южной половине Сахалина жил другой народ, стоящий совершенно особняком среди других народов Азии. Это—айны, резко-отличающиеся от всех прочих племен Азии не только языком, но и своею наружностью, в частности обильною волосатостью. Кроме южного Сахалина они живут на японском острове Iесо и на Курильских островах. С переходом южного Сахалина к Японии и айны вышли из русского подданства.

На северном Сахалине и на противолежащей части материка живут гиляки. Они опять-таки не находятся ни в каком родстве ни с кем из азиатских народов, но имеются смутные указания, что, может-быть, родственников им надо искать в Америке. Численность их 6.000 человек с лишком. Живут они оседло и занимаются рыбной ловлей и охотой; немало среди них и торговцев, совершающих с торговою целью иногда очень отдаленные поездки; упряжным животным у них служит собака.

В южной части полуострова Камчатки живут камчадалы или как они сами себя называют, ительмы; численность их около 4.000 человек; занимаются они рыбной ловлей и охотой, а под влиянием русских у них стало распространяться огородничество и скотоводство; упряжным животным у них служит собака. Их язык тоже стоит особняком среди азиатских народов, и, может-быть, родственники им тоже найдутся в Америке. Теперь камчадалы очень сильно обрусели.

Исчезающим народом являются юкагиры. В прежнее время это был довольно многочисленный народ, занимавший все пространство от Ледовитого океана до Верхоянского хребта и от нижней Лены до реки Колымы и ее восточных притоков. Теперь юкагирский язык сохранился лишь в двух местах: с одной стороны, по рр. Коркодону, Ясашной и Поповой, впадающим в Колыму выше Верхне-Колымска, с другой—на берегу Ледовитого океана между Индигиркой и Колымой. Численность юкагиров ныне около 1.000 человек, из них лишь меньшинство сохранило свой родной язык. Южные юкагиры занимаются рыболовством и пользуются собакой, как упряжным животным, северные—олоневоды. От своих соседей они резко отличаются не только языком, но и своеобразными обычаями из области семейной и общественной жизни. И относительно них можно предполагать какую-то связь с народами Америки.

Близко-родственны юкагирам чуванцы, живущие, числом около 450 человек, в Анадырском крае; они очень плохо изучены, а теперь почти совсем обрусели.

Более явственные черты сходства с американскими племенами проявляют чукчи и коряки. Чукчи занимают обширное пространство между нижней Колымой и Беринговым проливом и между Ледовитым океаном и линией несколько южнее реки Анадыри; небольшая часть их распространилась и к западу от Колымы вплоть до устьев р. Индигирки. На крайнем северо-востоке Сибири чукчи представляют господствующую народность, как по численности, впрочем, очень незначительной (около 12.000 человек), так и по своей энергии и предприимчивости. Прежде они отличались большою воинственностью и слыли за очень свирепый народ; они выдержали упорную борьбу с русскими и остались в этой борьбе победителями, разбив действовавшие против них казацкие отряды и убив их предводителя майора Павлуцкого. Вследствие этого чукчи официально признавались «не полно подданными», фактически же они оставались совершенно независимыми. Русские власти совсем не вмешивались в их внутренние дела, они не подлежали действию русских судов даже за такие преступления, как убийство, и, наконец, они не были обязаны платить дань. Одно время их старались приохотить к уплате дани ответными подарками, но так как подарки обходились дороже дани, то очень скоро стали принимать дань лишь от определенного, очень небольшого, числа чукчей, остальным же отказывали в приеме дани. Таким образом чукчи были фактически совершенно ни от кого не зависимы и внушали своим русским соседям большой страх, так что русские власти всячески заискивали перед ними, чтобы сохранить их расположение и удержать от нападений. Теперь положение несколько изменилось. Чукчи настолько втянулись в торговыя сделки, что уже не могут обходиться без европейских товаров, и прекращение с ними торговых сношений создало бы для них большие затруднения; они поэтому заинтересованы в сохранении мирных отношений и вынуждены проявлять большую уступчивость. Правда, значительную часть своих товаров они получают морским путем от американских купцов, но над этой торговлей имелся хотя и очень слабый контроль,

со стороны русских, а кроме того и торговля непосредственно с русскими занимает все же заметное место в их обиходе.

Часть чукчей ведет кочевой образ жизни и занимается оленеводством; такие чукчи известны под именем «оленных». Другие чукчи, известные под именем «сидячих», живут оседло по берегам Ледовитого и Великого океанов и занимаются морскими промыслами; оленные чукчи, несмотря на кочевой образ жизни, более обеспечены, чем сидячие. Большую роль в жизни чукчей играет также торговля, причем они в значительной степени играют роль посредников между русскими и американскими купцами и другими инородцами северо-восточной Сибири. Теперешняя жизнь чукчей представляет смешение полных противоположностей. С одной стороны жизнь в оленьих чумах или полуподземных юртах, крайняя неопрятность, езда на оленях или собаках, такие грубые и жестокие обычаи, как удавливание или закалывание стариков, правда, с их согласия, а с другой,—новейшие европейские товары вплоть до грамофонов, не говоря уже про ружья усовершенствованных систем. По вероисповеданию чукчи до сих пор остаются язычниками; грамотность у них совершенно отсутствует.

Коряки живут южнее чукчей от берегов Великого океана до р. Гижиги, впадающей в Охотское море, а также занимают северную часть полуострова Камчатки; численность их около 6,000 человек. Они имеют много общего с чукчами, а местами смешались с ними. Подобно чукчам они тоже делятся на оленных и сидячих; последние живут в обширных бревенчатых юртах, вкопанных более чем на половину в землю; входят в эти юрты сверху через дымовое отверстие, спускаясь по бревну с зарубками. Эти юрты имеют сходство с подземными жилищами некоторых американских племен. Такое же сходство с американскими народами имеется в кожаных лодках, употребляемых коряками и чукчами, в способе ношения тяжестей на спине с помощью головной лямки, и т. д. И еще больше такого сходства в преданиях и сказаниях коряков и чукчей, с одной стороны, и американских племен, с другой.

Кроме того, на берегах Берингова пролива и Великого океана живут в небольшом числе (около 1,000 человек) эскимосы, недавние выходцы из Америки, где обитает главная масса этого племени, а на Командорских островах поселено несколько сот алеутов, народа родственного эскимосам и живущего главным образом на Алеутских островах, находящихся теперь вне владений России.

Для того, чтобы покончить с Сибирью нам остается сказать несколько слов о живущих в ней переселенцах из цивилизованных стран восточной Азии, Китая, Японии и Кореи. Число таких переселенцев довольно значительно и постепенно все увеличивается. По официальным данным за пятилетие 1906—1910 г.г. въехало в русские пределы до 550,000 китайцев, а выехало обратно до 400,000 и, следовательно, до 150,000 человек осели в наших пределах в качестве торговцев, прислуги, чернорабочих. Преимущественно они оседают в Восточной Сибири, в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, но небольшая часть, главным образом, торговцы, проникает далеко на Запад, распространяясь по городам Европейской России. Надо, впрочем, иметь в виду, что на постоянное жительство переселяется в Россию лишь очень немного китайцев; большинство приезжает на временные заработки и, прожив в России года два-три, возвращается на родину. Но на смену уезжающим являются в еще большем количестве новые переселенцы, так что общее число живущих в русских пределах китайцев все возрастает. Это дало повод заговорить о «желтой» опасности в наших дальневосточных владениях и ввести ограничения для переселения китайцев и для приема их на разного рода работы. Корейцев в России насчитывалось в 1910 году около 40.000 человек, но по другим источникам число их больше и достигает, может быть, 70.000; значительное большинство их оседает в южном Уссурийском крае. Среди корейцев число постоянных переселенцев значительно выше, чем среди китайцев; около 16.000 корейцев считаются русскими подданными, живут в отдельных деревнях и занимаются земледелием; земледельческий труд преобладает и у иностранно-

подданных корейцев, переселяющихся в Россию. По отношению к корейцам действуют тоже ограничительные меры против их переселения в Россию и запрещено нанимать их на известного рода работы. Число японцев в России далеко не так велико, как принято обыкновенно думать. Во всем Приамурском крае их проживает около 4—5 тыс. человек, не считая тысяч 9—10 приезжающих временно на рыболовный сезон. Расселены японцы преимущественно по городам и занимаются торговлей, интеллигентным трудом, ремеслами, услужением и т. д.

Народы Кавказа.

Нигде в России нет такого большого разнообразия и смешения народов, как на Кавказе, и недаром Кавказ с давних пор называли «горою языков» или «горою народов». Объясняется это тем, что по соседству с Кавказом, как севернее его, так и южнее, пролегали главные пути, которыми шло переселение народов с востока на запад, из Азии в Европу. Переселяющиеся народы, сталкиваясь на своем пути с племенами, обитающими в прилегающих к Кавказу областях, теснили их в горы, а затем сами должны были удаляться туда же под натиском новых переселенцев. Так волна за волною оседали на Кавказе все новые и новые народы, при чем более древние из них вынуждены были удаляться все дальше в глубь горных ущелий. А недоступность этих ущелий, затруднительность сношений между ними были причиной того, что каждое племя, проникшее в глубину гор, жило своею обособленною жизнью, почти не соприкасаясь с соседями, и сохраняло поэтому всю свою самобытность. В результате и получилось замечательное разнообразие племен.

Среди народов Кавказа мы можем различать целый ряд исторических наслоений. Здесь есть совсем недавние поселенцы, появившиеся на Кавказе лишь со времени проникновения сюда русских, т. е. с начала прошлого века; таковы: русские, немцы, поляки и представители других ев-

ропейских народностей, о которых речь была уже выше и о которых мы тут не будем ничего говорить. Более древними обитателями края являются многочисленные тюркские, семитические и иранские племена. Они давно уже живут на Кавказе, но всетаки не могут считаться коренными жителями края. Сюда они пришли со стороны и не здесь живет главная масса их сородичей. Наконец, третий, еще более древний слой представляют такие народы, которые живут только на Кавказе и нигде больше, которые нигде, кроме Кавказа, не имеют родственников. Такие народы в свою очередь распадаются на три совершенно отдельных группы: грузинские или картвельские племена, абхазо-черкесские племена и чечено-дагестанские племена. Может быть, и эти народы не являются древнейшими засельниками края, а пришли сюда на смену другим, но этих других мы уже не знаем, и самые ранние страницы истории Кавказа от нас закрыты. Во всяком случае ходячее выражение «кавказская раса» по существу совершенно неправильно; Кавказ отнюдь не был колыбелью кавказской расы, и его многочисленные племена отнюдь не являются наиболее чистыми ее представителями. Наоборот, в расовом отношении кавказские народы представляют очень сложную смесь, в образовании которой приняли участие многие расы.

Оставляя в стороне народы, недавно появившиеся на Кавказе, мы можем начать свой обзор прямо с тюркских племен. Эти племена живут как с северной, так и с южной стороны Кавказа, но в большинстве случаев не проникают особенно далеко в глубь гор.

Севернее Кавказа и на северных склонах Кавказского хребта живут следующие тюркские племена. В самой северной части Ставропольской губернии вдоль границ ее с Астраханской губернией живет небольшой народ, именуемый трухмены. Существует предположение, что трухмены—близкие родственники туркменов и переселились сюда из теперешнего Мангышлакского уезда, Закаспийской области, но так ли это—сказать трудно. Численность трухменов 15 тыс.; большая часть их живет осед-

ло и занимается земледелием, меньшая —ведет полукочевой образ жизни и занимается скотоводством.

Южными соседями трухменов являются ногайцы. Они живут, главным образом, в степи между Кумою и Тереком, но спускаются и южнее, а небольшая часть их живет даже на правом берегу нижнего течения реки Сулак, отделяющей Терскую область от Дагестанской; на запад они проникают до верхнего течения Кубани. Численность их около 60.000 человек. Ногайцы представляют остатки татарских орд, господствовавших некогда в степях южной России, но теперь они не играют сколько-нибудь заметной роли в жизни края. Живущие в Ставропольской губ. ногайцы частью перешли к оседлости и земледелию и даже те из них, которые ведут полукочевой образ жизни, сеют хлеб, хотя скотоводство у них играет все же большую роль, чем земледелие. Ногайцы, Терской области, известные более под именем караногайцев, сохранили кочевой быт и скотоводческое хозяйство в более чистом виде. По вероисповеданию ногайцы мусульмане, и просвещение среди них носит духовный характер; лишь за последнее время они стали охотнее отдавать детей в русские школы.

Еще далее к югу живут кумыки; они занимают почти все побережье Каспийского моря от Терека и немного не доходя до Дербента, а на запад их поселения достигают Качкалыкских гор; численность их около 112 тыс. человек. Они представляют наиболее цивилизованную народность северо-восточного Кавказа, ведут оживленную торговлю и вследствие этого их язык вошел в общий обиход в северном Дагестане и в части Терской области и употребляется здесь всеми при сношениях между представителями различных племен. По вероисповеданию они—мусульмане. Прежде они управлялись особыми самостоятельными владельцами, именовавшимися шамхалами.

В Нальчикском у. Терской области, по ущельям рек Черек, Черек-тхяхо, Чегем и Баксан, живет небольшой народ балкары, именуемый иногда также горными кабардинцами, что впрочем совершенно неправильно; численность их 20—25 тыс. Занимаются они скотоводством, но живут оседло; по вероисповеданию—мусульмане.

Далее к западу, у самых истоков Кубани и по ее притокам Теберде, Доуту, Маре и Джегуте, живет тоже небольшой народ карачаевцы; численность их около 35 тыс. Занимаются они, главным образом, скотоводством и материально сравнительно хорошо обеспечены. По вероисповеданию—мусульмане.

Гораздо многочисленнее тюркские племена, живущие в Закавказье. Главная масса их известна под именем адербейджанских татар. В Бакинской губ. они составляют абсолютное большинство населения во всех уездах, кроме Бакинского и Кубинского, а в этих двух уездах они составляют большинство относительное; в Елисаветпольской губ. они составляют абсолютное большинство населения во всех уездах, кроме Шушинского, где они уступают по численности армянам; в Эриванской губ. они располагают абсолютным большинством в уездах Эриванском, Шаруро-Даралагезском и относительным—в Сурмалинском; в остальных трех уездах этой губернии они уступают по численности армянам; в Тифлисской губ. они живут в уездах Закатальском, Сигнахском, Борчалинском, Тифлисском, Ахалкалакском и Ахалцыхском, но ни в одном из них не составляют преобладающей по численности народности; далее небольшие поселения адербейджанских татар есть в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском и Самурском у.у. Дагестанской области, в Телавском у. Тифлисской губ. и в Карсском и Кагызманском у.у. Карской губернии. Численность адербейджанских татар в русских пределах, по данным переписи 1897 г., достигала $1^1/_2$ милл. с лишком, а по более поздним сведениям равняется приблизительно 2 милл. Кроме того, они живут в большом числе также в пределах Персии. Широкая область, по которой они распространились, занята не одними ими; они живут в перемежку с армянами, курдами и русскими, но всетаки на весьма обширном пространстве они составляют господствующую по численности народность.

Надо, впрочем, иметь в виду, что адербейджанские татары представляют народ весьма смешанного происхо-

ждения. Адербейджанский язык отличается простотою и легкостью, и это обеспечило ему такое широкое распространение. Он был усвоен многими народами отчасти тюркского происхождения (мугалы), отчасти иного, и усвоен настолько прочно, что эти народы позабыли свои материнские языки. Не только в восточном Закавказье, но и в южном Дагестане, где адербейджанских татар мало, тем не менее к их языку чаще всего прибегают представители чуждых друг другу народностей, когда им нужно объясниться между собою. Объединенные одним общим языком адербейджанские татары не вполне слились в единый народ и представляют довольно пеструю массу. Среди них есть грубые кочевники, живущие одним скотоводством, есть оседлые, давно уже и с успехом занимающиеся земледелием, есть горожане: ремесленники, торговцы и предприниматели, располагающие иногда многомиллионными состояниями. Больше целостности и единства придает им религия. Адербейджанские татары—ревностные мусульмане, и так как им постоянно приходится сталкиваться с армянами и русскими, то противопоставление ими себя христианам сплачивает их, придает им больше единства. Просвещение у них носит почти исключительно духовный характер и в общем стоит на низком уровне. Несмотря на то, что дети богатых адербейджанцев проходят русскую среднюю, а иногда и высшую школу, всетаки они до сих пор не имеют своей сколько-нибудь сильной и влиятельной интеллигенции.

Далее в Закавказье живет не мало настоящих турок, единоплеменных константинопольским туркам. Значительными массами они живут в Ахалцихском у. Тифлисской г., в Ардаганском и Ольтинском у. у. Карсской губ. и в Артвинском у. Батумской области, в меньшем числе они имеются в других уездах Карсской губ., а понемногу их можно встретить почти всюду в западном Закавказье, особенно в городах. Численность их в русских пределах достигает 200 тысяч. Там, где турки живут сплошными массами, они занимаются, главным образом, земледелием; в городах они занимаются торговлей, ремеслами и наймом на разного рода работы, причем их очень охотно нанимают

благодаря их трудолюбию, выносливости и нетребовательности. В общем большой роли в Закавказье они не играют, несмотря на то, что в Ольтинском и Артвинском у. у. составляют абсолютное большинство всего населения.

В Карсской области понемногу во всёх уездах живут туркмены, повидимому, близкие туркменам Закаспийской области; точное число их определить трудно, так как их часто смешивают то с турками, то с татарами; но во всяком случае число это очень не велико, приблизительно около 15 тысяч.

В северо-восточном углу той же Карсской области, в Карсском и Ардаганском у. у. живет еще одно небольшое турецкое племя карапапахи, численностью около 30 тыс. человек; они принадлежат к числу наименее исследованных племен Кавказа. Туркмены и карапапахи, подобно другим тюркским народам Закавказья—мусульмане.

К иранским народам Кавказа относятся персы, курды, таты, талыщинцы и осетины. Иногда к ним причисляют также армян. Армяне, впрочем, настолько отличаются от других народов, что их чаще выделяют в особую группу, родственную иранской, но не сливающуюся с ней. В Закавказье иранские народы гораздо многочисленнее, чем на северном Кавказе.

Армяне живут большими массами во всех уездах Эриванской губ., при чем в уездах Александропольском, Новобаязетском и Эчмиадзинском они составляют абсолютное большинство всего населения; абсолютное большинство всего населения они составляют также в Шушинском уезде Елисаветпольской губ., во всех же остальных уездах этой губернии они занимают по численности второе место (на первом стоят адербейджанские татары); далее абсолютным большинством армяне располагают в Ахалкалакском уезде и относительным в Борчалинском Тифлисской губ. и, кроме того, живут в значительном числе в остальных уездах этой губернии, кроме Душетского и Тионетского, где их мало; в Карсской области их очень много в Карсском и Кагызманском у. у., при чем в обоих этих уездах они стоят по численности на первом месте. Затем большое число ар-

мян имеется в Батумской области и в Сухумском округе, а на востоке в Бакинском, Геокчайском и Шемахинском у.у. Бакинской губ. Но, кроме того, в большем или меньшем числе армян можно встретить почти во всех остальных уездах Кавказского края и во многих местностях Европейской России, где они иногда образуют довольно значительные поселения. Наконец, очень большое число армян живет в мало-азиатских владениях Турции. Всего армян в России насчитывалось в 1897 г. 1,180 тыс., число же армян в Турции не поддается строгому учету.

В старину армяне образовывали самостоятельное царство, сыгравшее крупную роль в исторических судьбах передней Азии. Потом армянам приходилось в течение многих веков жить под игом иноплеменных и иноверных завоевателей, но, несмотря на это, они сохранили свою национальную самобытность, сохранили способность к культурному возрождению, сохранили и воспоминания о своем историческом прошлом. В настоящее время они являются одною из наиболее влиятельных народностей Кавказа, причем это влияние обеспечено не одною их численностью, а в еще большей степени высотою их культурного развития и той крупной ролью, которую они играют в экономической жизни всего Кавказского края.

В течение долгого времени вся духовная жизнь армянского народа была сосредоточена вокруг церквей и монастырей, которые были единственными рассадниками просвещения и имущества которых составляли как бы национальный капитал, шедший на просветительные цели. Армянское духовенство пользовалось и теперь пользуется среди своего народа большим влиянием и уважением и действительно имеет перед народом заслуги. Но это влиятельное положение духовенства и большая роль, которую оно сыграло в деле культурного возрождения армянского народа, отнюдь не придали армянскому просвещению и армянской литературе узкого церковного характера. Конечно, и в армянской литературе, как и во всякой другой, есть сочинения церковного и богословского содержания, но, в общем, эта литература носит такой же светский характер, как рус-

ская или какая-либо другая европейская литература. И армянская литература отличается значительным богатством и разнообразием. Художественные произведения армянских писателей охотно переводятся на другие языки и с удовольствием читаются не одними армянами. Армянские газеты и журналы очень многочисленны, ведутся хорошо и удовлетворяют разнообразные слои читателей. Высоко стоит и армянский театр. Наконец, и в науке многие армяне создали себе почтенные имена и состоят профессорами в русских и заграничных университетах. Много также среди армян докторов, адвокатов и лиц других интеллигентных занятий. Таким образом, армяне имеют свою многочисленную и сильную интеллигенцию, которая отличается большою преданностью своему народу, Как общее правило, интеллигентный армянин, куда бы ни забросила его судьба, будет ли то Москва, Петроград или другой какой крупный европейский центр или, наоборот, глухое местечко, не порывает связей со своим народом, а принимает живое участие в его судьбах. Усваивая положительные стороны европейской цивилизации, армянская интеллигенция тем не менее сохраняет ярко выраженный национальный характер.

С другой стороны армянским народом накоплены и значительные материальные богатства. Конечно, не только не все армяне занимаются торговлей или промышленностью, но и крестьян, живущих в деревнях и занимающихся земледельческим трудом, среди них значительно больше, чем купцов или фабрикантов. И тем не менее очень крупные успехи в области торговли и промышленности представляются особенно характерными для экономического развития армянского народа. Не только на Кавказе почти вся торговля сосредоточена в руках армян, но и в торговле Европейской России они играют очень заметную роль. Равным образом и в промышленности всей России, а не одного только Кавказа, они чуть не каждый год делали крупные завоевания. На Кавказе же они являются не только главными, но и почти единственными представителями торжествующего капитализма и

буржуазного уклада жизни, которые идут здесь на смену более старым формам хозяйственного быта.

Этим обстоятельством, прежде всего, объясняются отношения, сложившиеся между армянами и другими народами Кавказа, в частности с грузинами и татарами; с грузинами эти отношения—натянутые, с татарами—прямо враждебные, порою приводящие к кровавым столкновениям. Для грузинского экономического строя все еще характерно помещичье хозяйство, и поскольку армяне представляют собою кавказскую буржуазию, постольку же грузины представляют поместное дворянство,—дворянство, очень родовитое, но с каждым годом приходящее во все больший упадок. И вот борьба дворянского землевладения с надвигающимся капитализмом принимает формы национального соперничества между грузинами и армянами. Приблизительно также складываются и отношения между армянами и татарами, только здесь экономическая борьба принимает еще более острые формы, так как татарское хозяйство, сохранившее полунатуральный, полуфеодальный характер, терпит еще более чувствительные удары от надвигающегося капитализма и еще менее совместимо с буржуазным укладом жизни. А, кроме того, здесь экономическая борьба осложняется различием религии, что и приводит к особому обострению национального соперничества.

Соответственно этому наблюдаются и интересные особенности в национальных стремлениях главенствующих народностей Закавказья. Среди грузин определенно преобладало тяготение к выделению Грузии в особую область, если не вполне независимую от России, то все же живущую в известных пределах своею самостоятельною жизнью. Нечто подобное можно было отмечать и у татар только в гораздо более смутной форме, так как политическая жизнь у татар вообще только что начинала пробуждаться. У армян же преобладало определенное стремление к объединению всего Закавказья или даже всего Кавказского края в одну самостоятельную область. И это вполне понятно, потому что капитализм, представителями которого являются армяне, нуждается в более широком поле деятельности и

замкнуться в узких пределах своей национальной области значило бы для армян отказаться от всех экономических завоеваний, которые уже сделаны ими или будут сделаны.

Впрочем, трудно и говорить об особой армянской национальной области. Конечно, есть участки сплошь заселенные армянами, есть уезды, где они составляют абсолютное большинство населения, но, если мы объединим все подобные местности в одну область так, чтобы в ней армяне составляли большинство населения, то такая область будет невелика и объединит лишь скромное меньшинство всего армянского народа. Если же мы, наоборот, попытаемся создать такую более широкую область, которая охватила бы большинство армянского народа, то в этой, более обширной области армяне будут составлять уже не большинство, а меньшинство всего населения. Приблизительно таково же было положение дел и в турецкой Армении, поскольку вообще можно доверять турецким статистическим данным. Впрочем, за время войны численное соотношение национальностей, как в турецкой Армении, так и в нашем Закавказье, вероятно, сильно изменилось; но эти изменения пока еще не поддаются учету.

Ближайшими соседями армян являются курды. В пределах России их живет сравнительно немного, около 100 тыс., преимущественно в юго-восточной части Эриванской и понемногу во всех уездах Карсской области и в небольшом числе в Елисаветпольской и Тифлисской губ. Гораздо многочисленнее они в турецких и персидских владениях. Преобладающее занятие у курдов—скотоводство, хотя местами они уже перешли к земледелию; довольно развиты у них и кустарные промыслы; уклад жизни их сохранил полукочевой характер, и вместе с тем они разбиваются на множество отдельных маленьких племен, живущих под властью своих родовых старейшин. По вероисповеданию они—мусульмане, а просвещение у них стоит на очень низком уровне. С армянами они находятся в острой постоянной вражде и в турецких владениях неоднократно производили массовую резню армян. Вражда между курдами и армянами является лишним примером того, как

религиозные различия осложняют национальные отношения. По языку курды во всяком случае ближе к армянам, чем к туркам, и тем не менее они всецело на стороне единоверных им турок против армян.

Приблизительно таковы же по численности **т а т ы** (около 95 тыс.). Они живут, главным образом, в Кубинском и Бакинском уу. Бакинской губ., а в небольшом числе встречаются также в других уездах Бакинской губ., равно как в Дагестанской области и в Елисаветпольской губ. Татов трудно считать вполне самостоятельною народность; язык их очень близок к ново-персидскому, в образе же жизни они имеют очень много общего с соседними тюркскими народами. Одни ученые видят в них переселенцев из Персии, подчинившихся тюркскому влиянию, другие, наоборот, считают их по происхождению тюрками, усвоившими иранский язык. Занимаются они, смотря по местности, где земледелием, где скотоводством; довольно развиты у них кустарные промыслы и мелочная торговля в разнос. По вероисповеданию они—мусульмане. Таты находятся под очень сильным влиянием татар и местами переходят к татарскому языку.

Т а л ы ш и н ц ы живут сосредоточенно в одном месте, в южной части Ленкоранского у. Бакинской губ., т. е. на границе с Персией. Сведения об их численности весьма противоречивы; по переписным данным 1897 г. эта численность достигла 35 тыс. Язык талышинцев близок к персидскому.

Число **п е р с о в** в России весьма не велико, несколько больше 30 тыс.; они разбросаны в разных местностях Кавказа и Европейской России и занимаются у нас с одной стороны торговлей, с другой—поденной черной работой.

Особняком, как в географическом, так и в других отношениях, стоят от других иранских народов **о с е т и н ы**. Они занимают одну почти сплошную область по обеим сторонам Военно-грузинской дороги. Больше всего их во Владикавказском округе Терской области, где они составляют абсолютное большинство всего населения, в меньшем числе они находятся в Пятигорском и Нальчикском окру-

гах Терской области и в Баталпашинском округе Кубанской области; на южных склонах главного Кавказского хребта они живут большими массами в Горийском и западной части Душетского уезда Тифлисской губернии и, кроме того, занимают небольшой, прилегающий к Горийскому уезду, уголок Рачинского уезда, Кутаисской г. Общая численность их, по данным переписи 1897 г., достигала 172 тыс., позднейшие данные определяют их число в 225 тыс. Язык их не вполне одинаков на всем протяжении занимаемой ими области, а делится на два наречия или даже на три. По образу жизни они довольно типичные горцы, живут оседло в жилищах, которые прежде укреплялись, и занимаются земледелием и скотоводством. Они страдают острым малоземельем, и по их выражению годная для обработки земля стоит того животного, которое может на ней поместиться, т.-е. клочек земли, на котором может поместиться корова, стоит коровы и т. д .По вероисповеданию они частью христиане, частью мусульмане; христианство у них гораздо древнее мусульманства, но потом было почти совсем вытеснено мусульманством и лишь с приходом русских опять стало распространяться. По образованию они стоят выше большинства других горцев и грамотность у них уже получила довольно широкое распространение; преподавание в начальных школах ведется на осетинском языке; есть осетины, прошедшие среднюю школу и университет.

Семитические народы, помимо обыкновенных евреев, живущих на Кавказе так же, как и в остальной России, и очень немногочисленных арабов, представлены здесь так называемыми евреями-горцами и айсорами. Евреи-горцы живут, главным образом, в Дагестанской и Терской областях и в Бакинской губ., в меньшем числе они встречаются в Елисаветпольской губ. и в Кубанской обл. Численность их определить трудно, так как их часто смешивают то с простыми евреями, то с татами, в общем, однако, численность эта незначительна, 20—30 тыс., разбросанных маленькими кучками по большому пространству. С обыкновенными евреями евреи-горцы имеют общего толь-

ко религию; по образу жизни они не отличаются от окружающих их горцев-мусульман и занимаются земледелием, садоводством, ремеслами, торговлей; говорят они татским языком, но удержали некоторые особенности, свойственные семитическим языкам.

Айсоры в русских пределах весьма немногочисленны. Главная масса их живет в Турции и Персии, где они сохранили свое несторианское вероисповедание и составляют обособленную религиозную общину. В России они занимают всего 6—7 селений в Эриванской губ., преимущественно в Эриванском у., и не превышают численностью $5^1/_2$ тыс. Русские айсоры—православные и занимаются скотоводством и садоводством.

Из наиболее древних засельников Кавказского края самыми важными во всех отношениях являются народы, принадлежащие к обширному грузинскому или картвельскому племени. В состав его входят следующие народы: собственно грузины, называемые также по местности: кахетинцы, карталинцы, мтиулинцы и т. д. Они живут, главным образом, в Тифлисской губ., причем в уездах Горийском, Душетском, Сигнахском, Телавском и Тионетском составляют абсолютное большинство всего населения, а в Тифлисском—относительное; в остальных уездах Тифлисской губ. грузины значительно уступают по численности другим народам. В Закатальском округе живут ингилойцы, отличающиеся от других грузин своим мусульманским вероисповеданием, а северная гористая часть Тионетского уезда занята небольшими картвельскими племенами: пшавами, хевсурами и тушинами, представляющими интерес, главным образом, сохранившимися у них старинными нравами и обычаями. Восточная часть Кутаисской губ., т.-е. уезды Шоропанский, Рачинский, Кутаисский и южный угол Лечхумского почти сплошь заселены имеретинами, а северная большая половина Лечхумского у. занята сванетами, раскинувшимися по обширному пространству, но немногочисленными. Западнее имеретин живут мингрельцы, заселяющие почти сплошь Зугдидский и Сенакский у.у., а в небольшом

числе проникающие также в Сухумский округ. Южная окраина Кутаисской губ., Озургетский у., занята гурийцами, еще далее к югу в Батумском и отчасти в Артвинском округах живут аджарцы, резко обособленные от прочих грузинских племен своим мусульманским вероисповеданием, и, наконец, в юго-западном углу Батумского округа на границе с Турцией мы находим лазов, число которых в России очень невелико и которые живут преимущественно в Турции.

Вопрос об относительной численности отдельных картвельских племен представляет некоторые трудности. Перепись 1897 г. не выделяет отдельно гурийцев, аджарцев и других более мелких племен, включая их в число грузин. Таким образом, перепись различает (по языку) среди картвельских племен лишь четыре народности: грузин, имеритинов, мингрельцов и сванетов, определяя численность их следующим образом: грузины—824 тыс., имеретины—273 тыс., мингрельцы—240 тыс., сванеты—15 тыс., что в общей сложности дает около 1,350 тыс. Но лучший из современных знатоков этнографии Кавказа Дирр, основывающийся на более поздних данных, дает нам совершенно иные цифры. По его подсчету численность отдельных картвельских племен выражается в следующих цифрах: грузины вместе с ингилойцами—480 тыс., пшавы—11 тыс., хевсуры—7 с половиной тыс., тушины—6 с пол. тысяч., гурийцы—93 тыс., аджарцы—70 тыс., лазы—2$^1/_2$ тыс., имеритины—505 тыс., мингрельцы—253 тыс., сванеты—16$^1/_2$ тыс., в общей сумме это дает приблизительно 1,445 тыс. Тут обращает на себя внимание резкое противоречие в определении относительной численности грузин и имеретинов; тогда как по данным переписи грузины составляют громадное большинство всех картвельских племен, по данным Дирра получается, что преобладающей по численности картвельской народностью являются имеретины, а грузины отходят на второе место. Объясняется это противоречие тем, что Дирр, равно как специальный этнографический атлас Закавказья, составленный Е. Кондратенко, причисляют всех картвельцев Кутаисского, Рачинского и Шоропанского у.у. к

имеретинам (для Шоропанского у. Е. Кондратенко делает небольшое исключение), а перепись насчитывает в этих уездах 178 тыс. грузин и 269 тыс. имеретин.

Грузинские народы имеют славное историческое прошлое. В течение многих веков они образовывали самостоятельное царство, которое по временам достигало большого могущества и расцвета. Потом это царство постепенно пришло в упадок отчасти под напором внешних врагов, отчасти вследствие внутренних раздоров, которые привели к распадению единого первоначального государства на независимые царства: Грузинское, Имеретинское, Мингрельское, и с небольшим сто лет тому назад грузины добровольно приняли русское подданство. Грузины имеют свою обширную и богатую литературу, как художественную, так и научную, имеют многочисленные газеты и журналы, имеют свой театр, свою интеллигенцию, свои политические партии; одним словом, в духовном и политическом отношении они стоят вполне на уровне европейской культуры. На ряду с этим они проникнуты чувством глубокой любви к своей родине и чрезвычайно неохотно с нею расстаются. Во время переписи 1897 г. вне Кавказа было насчитано лишь 2 тыс. с небольшим грузин, а 98,8% всего числа грузин и родственных им по происхождению народов жили тогда в пределах Тифлисской и Кутаисской губерний, так что трудно было бы назвать какой-либо другой народ, который обнаруживал бы такую же любовь к насиженным родным местам, как грузины.

Все это вместе взятое представляет очень благоприятные условия для дальнейшего национального преуспеяния грузин, но есть тут и отрицательные стороны, которые тоже приходится принимать во внимание и которые сводятся к тому, что это национальное процветание не имеет достаточно прочного материального основания. Несмотря на благодатные природные условия Грузии ее экономическое положение сильно расшатано. Грузинское крестьянство живет бедно и страдает от малоземелья; промышленность в Грузии развита слабо и находится в руках не грузин, а других народов; своей буржуазии грузины почти

совсем не имеют и высшие классы у них представлены поместным дворянством, из среды которого выходит и грузинская интеллигенция; но и это дворянство переживает тяжелые времена, хозяйство его находится в упадке, и оно с каждым годом все более беднеет. Поэтому и получается такая картина, что в области экономической жизни армяне все больше теснят грузин и последние вынуждены отступать шаг за шагом. В самом Тифлисе, столице Грузии, промышленность находится в руках армян, да и численно армяне в Тифлисе уже преобладают над грузинами.

Другой невыгодной стороной для грузин является отсутствие между отдельными картвельскими народами того единства, которое мы наблюдаем среди тех же армян. Можно оставить в стороне пшавов, хевсуров, тушинов, отличающихся от грузин, главным образом, в бытовом отношении, и сванетов, обособленных также и по языку, все эти народы слишком немногочисленны. Но мингрельцы уже представляют крупную величину, а они сильно отличаются от собственно грузин по языку; менее значительны различия между грузинами и имеретинами, но все таки и на эти различия нельзя закрывать глаза, особенно памятуя прошлое, когда Имеретинское царство нередко становилось в прямо враждебные отношения к царству Грузинскому. Наконец, аджарцы и ингилойцы отличаются от остальных грузинских народов, придерживающихся православия, своим вероисповеданием. У ингилойцев мусульманство не пустило особенно глубоких корней и наблюдается обратный переход в христианство. Зато аджарцы— ревностные мусульмане и чувствуют себя гораздо более тесно связанными с мусульманским миром, с турками, чем с родственными им грузинскими народами.

Таким образом, несмотря на сравнительную многочисленность и высокий культурный уровень, несмотря на заселение ими одной сплошной области и благоприятные природные условия этой области,—национальная борьба для грузин все таки сопряжена с большими трудностями,

и лишь будущее покажет, в какой мере они останутся победителями в этой борьбе.

Из числа грузинских партий наибольшим успехом на выборах в Государственную Думу и в Учредительное Собрание пользовались социал-демократы. Но на ряду с этим среди грузин большим влиянием пользуются и партии, выдвигающие на первый план национальные задачи. Они добиваются автономии или даже полной самостоятельности Грузии, подразумевая под Грузией всю Тифлисскую губ. с Закатальским округом, всю Кутаисскую губ. с Сухумским округом и всю Батумскую область. Но такое определение Грузии может быть оспариваемо с этнографической точки зрения. В Тифлисской губ. в Закатальском округе и в уездах Ахалкалакском, Ахалцихском и Борчалинском грузины значительно уступают по численности народам совершенно иного происхождения и не достигают ни в одном из этих уездов 20% всего населения, а в уездах Ахалкалакском и Борчалинском спускаются даже ниже 10%; даже в Тифлисском у. они составляют лишь 35% всего населения, по всей же губернии они составляют около 45% населения. Равным образом в Сухумском округе грузины различных племен составляют скромное меньшинство, всего около четверти населения. Далее в Артвинском округе грузины тоже представляют незначительное меньшинство населения, а батумские аджарцы слишком обособлены от прочих грузин. Взятая в ее этнографических границах, Грузия имеет довольно нескладную фигуру, представляя длинную, но узкую полоску, вытянувшуюся вдоль южной подошвы главного Кавказского хребта и расширяющуюся только на западе. Во всех остальных отношениях, кроме этнографического, эта область не представляет чего-либо целостного и единого и вместе с тем чем-либо обособленного от соседних областей. С экономической и с географической точки зрения выделение такой области представило бы нечто искусственное и вряд ли такая область была бы способна к самостоятельному существованию. Исправление же и округление ее границ было бы отклонением от того

самого национального принципа, во имя которого выдвигается требование автономии для Грузии.

Абхазо-черкесская, иначе адигейская, группа немногочисленна и сосредоточена в северо-западной части Кавказского края. К ней принадлежат, прежде всего, абхазцы, живущие в Сухумском округе, Кутаисской губ. по берегу Черного моря двумя отдельными группами; численность их по данным переписи 1897 г. равнялась 72 тыс. Они занимаются земледелием и скотоводством, имеют свое дворянство и находились раньше под известным влиянием грузинской культуры. Севернее абхазцев жили прежде убыхи, но после завоевания русскими Кавказа они все выселились в пределы Турции. Еще севернее по черноморскому побережью и по обоим склонам западной части главного Кавказского хребта до Кубани жил раньше целый ряд мелких племен, известных под общим названием черкесы: шапсуги, абадзехи, бжедухи, натухайцы, бесленеевцы и т. д. Все они были мусульмане и вели упорную борьбу с русскими. После покорения западного Кавказа большая часть их тоже выселилась в Малую Азию и в русских пределах остались незначительные кучки различных племен, общая численность которых достигала в 1897 г. 46 тыс. человек. Близко-родственны черкесам по языку кабардинцы. Они занимают северное предгорье Кавказа от левого притока Кубани Зеленчука на западе до правого берега Терека в том месте, где он меняет течение из северо-западного направления на восточное, на востоке, т.-е. в Сунженском, Нальчикском и Пятигорском у.у. Терской области и в Баталпашинском и Майкопском у.у. Кубанской области, причем в Нальчикском у. они составляют абсолютное большинство всего населения. Общая численность их 1897 г. была 98 тыс. Подобно другим черкесским племенам они — мусульмане. Землей они обеспечены лучше других горцев, но по недостатку предприимчивости живут бедно. Как и у других черкесских племен у них были сословия: дворянство, свообдные и крепостные, и общественный строй их носил до известной степени аристократический характер.

Последняя, чечено-дагестанская группа кавказских туземных народов представляет наибольшую дробность делений. Самый многочисленный из народов этой группы чеченцы, живущие в Терской области, главным образом, в Грозненском у., где они составляют абсолютное большинство всего населения, а в меньшем числе также в Хасав-Юртовском и Сунженском у.; численность их в 1897 г. была $226^1/_2$ тыс. Западнее их, в Сунженском у., живут близко-родственные им ингуши, численностью в 47 тыс., а на самом севере Тифлисской губ. маленькое племя той же группы кистины, численностью по переписным данным всего в 400 человек (другие источники определяют число кистинов в несколько тыс.); часть чеченцев, живущая в Веденском округе, известна также под именем ичкерийцев. Чеченцы и родственные им племена—мусульмане и отличаются большою воинственностью; русским они оказали самое упорное сопротивление, да и после покорения Кавказа неоднократно поднимали восстание. Они занимаются земледелием, скотоводством и торговлей, обладают сильно развитым сознанием племенного единства и известного рода навыками в ведению бщественных дел. В сравнении с черкесскими племенами их общественный строй всегда отличался большею демократичностью. Просвещение среди них развивается довольно медленно, но все же некоторое число чеченцев получает и среднее образование. В общем, как по численности, так и вследствие более развитой племенной жизни, а также по своей предприимчивости чеченцы занимают одно из главных мест среди народов северного Кавказа.

Весь Дагестан наполнен множеством небольших племен, из которых некоторые представлены только жителями какого-нибудь одного аула. Большинство этих племен до сих пор плохо изучено и потому не всегда удается установить степень их родства между собою; даже дать полный перечень их было бы трудно.

Самым крупным из этих племен будут аварцы, занимающие средний Дагестан от его северных границ до главного Кавказского храбта и спускающиеся далее к югу

в пределы Закатальского округа Тифлисской губ. Западнее их до границ Дагестанской области живет ряд мелких племен, включаемых в одну андо-дидойскую группу (андийцы, каратинцы, ботлихцы, годоберины, чамалальцы, богуляльцы, ахвахцы, типдойцы, дидойцы, хваршины, капучинцы, хунзальцы). Перепись 1897 г. объединяет аварцев и андо-дидойские племена и определяет число тех и других вместе в 213 тыс., по более поздним данным Дирра число одних аварцев определяется в 234 тыс. Соседями аварцев с востока являются даргинцы и кази-кумыхи или лаки, занимающие преимущественно одноименные округа, в самом центре Дагестана; численность даргинцев 130 тыс., численность кази-кумыхов, по переписи 1897 г., — 91 тыс., но перепись причислила к кази-кумыхам и некоторые другие племена; Дирр определяет число кази-кумыхов всего в 45 тыс. Между аварцами и кази-кумыхами вклинилось еще маленькое племя арчинцев, занимающих всего лишь один аул с числом жителей в 1 тыс. В юго-вост. Дагестане и на севере Бакинской губ. живет сравнительно крупное племя кюринцы, которые сами себя называют лезгинами и от которых это название было перенесено на всех вообще дагестанских горцев; численность их 160 тыс. По соседству с ними в Дагестане живут родственные с ними более мелкие племена табасаранцы, агулы, рутульцы, цахурцы, а в Бакинской губ. к ним примыкают еще более мелкие племена той же группы: хиналугцы, джекцы, будугцы, гапутлинцы, крызцы. Родственный кюринцам народ удины живет в Нухинском у. Елисаветпольской губ., занимая здесь две больших деревни Нидж иВарташен с $7^1/_2$ тыс. жителей. Общая численность народов чечено-дагестанской группы достигает до полумиллиона.

При известных различиях в языке дагестанские горцы обнаруживают очень много общего в образе жизни. Все они ревностные мусульмане и отличаются большою воинственностью; русским они покорились после упорной полувековой борьбы, да и впоследствии поднимали восстания, из которых наиболее значительное было во время рус-

ско-турецкой войны 1877—1878 гг. Живут они оседло селениями (аулами), расположенными обыкновенно на косогорах из-за необходимости всячески экономить ровные участки земли, как более удобные для обработки. Дома у них большею частью двухъэтажные, в нижнем этаже помещаются скот и сельско-хозяйственные орудия, в верхнем живут люди, а на плоской крыше хранятся небольшие запасы хлеба и сена. Занимаются они земледелием, скотоводством, кустарными промыслами; сильно развит также отход для найма на работы. Грамотность у большинства племен стоит низко. Национальное чувство развито слабо, но зато глубокая преданность мусульманству сплачивает их в одно целое.

В общем итоге многоплеменное население Кавказа можно с общественной и политической точки зрения разделить на четыре больших группы. Это, прежде всего, русские, численно преобладающие лишь на северном Кавказе, но всюду играющие влиятельную роль. Далее следуют грузинские народы, сосредоточенные в западном Закавказье; народы с крупным историческим прошлым, с богатой литературой, со своей интеллигенцией и развитыми политическими интересами, но вместе с тем народы, не сумевшие пока приспособиться к новым хозяйственным отношениям. Затем идут армяне, которых больше всего в среднем Закавказье, но которые все больше распространяются по всему краю. Это народ, столь же культурный, как и грузины, но в отличие от последних экономически преуспевающий, сумевший сосредоточить в своих руках большие богатства. Наконец, четвертую группу составляют многочисленные, разнообразные по своему происхождению народы, объединенные общностью религии—мусульманством. Они преобладают на всем восточном Кавказе и численно являются самой сильной из четырех групп. Но в культурном отношении они сильно отстали от своих соседей. Взаимными отношениями этих четырех групп будут определяться дальнейшие судьбы Кавказа.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

